

ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА с Д. И. НАГУЕВСКИМ (1887–1890)

Публикация С. А. Ипатовой

В конце февраля 1906 года в «Новом времени» появилась краткая заметка без подписи: «Профессор Дарий Ильич Нагуевский принес в дар Императорской публичной библиотеке двадцать пять собственноручных писем Афанасия Фета».¹ В хорошей сохранности, сброшюрованные и переплетенные в отдельную книгу, эти письма и поныне находятся в Отделе рукописей *РНБ*; на форзаце имеется дарственная надпись Нагуевского и его же приписка следующего содержания: «В Императорскую публичную библиотеку от проф<ессора> Д. Нагуевского. г. Казань 22 февраля 1906 года». Незадолго до этой Нагуевский сделал предварительную запись: «Всех писем XXV. Из них XVIII с 1887 года, VI — с 1888 г<ода> и I с 1889 года. Письма характеризуют взгляды автора на перевод древних поэтов и не лишены и других данных для биографии и оценки А. А. Фета. Д. Нагуевский. 12 февраля 1906 г<ода>. г. Казань».²

К письмам, хранящимся в *РНБ*, примыкают 14 писем Нагуевского к Фету и один черновик письма Фета к Нагуевскому, которые находятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Все они составили корпус настоящей публикации.

Тематическая большая часть публикуемой переписки (26 писем Фета и 14 Нагуевского) посвящена совместной работе корреспондентов над переводом и комментированием «Энеиды» Вергилия и содержит не только отдельные факты биографии поэта и обсуждение возникавших в процессе работы трудностей, но и ценнейшие для историка литерату-

---

¹ Новое время. 1906. 3 (16) марта. № 10764. С. 5.

² *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 2–3.

ры высказывания Фета о собственном методе перевода античных авторов, который еще при жизни поэта его оппоненты называли «буквальным» или «буквалистским». Преданность именно этому переводческому методу, противопоставляемому традиции творческого (или вольного) перевода, Фет отстаивал как печатно, так и в письмах к разным адресатам на протяжении всей жизни. К моменту обращения Фета к Вергилию официально он становится признанным переводчиком с древних языков: за перевод Горация, вышедший в свет в 1883 году, он в 1884 году становится лауреатом полной Пушкинской премии, а в 1886 году за переводческую деятельность Фету было присвоено звание члена-корреспондента Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

Первым, кто еще в 1850-е годы поддержал Фета-переводчика и наметил перечень античных авторов, стал И. С. Тургенев. В ноябре 1860 года из Парижа он писал поэту: «Попробуйте перечесть Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю <...> „ничего, можно“».³

Спустя двадцать с лишним лет Фет действительно занялся переводом на русский язык названных авторов.⁴ Едва ли Тургенев предполагал, пытаясь поддержать друга, что Фет предпримет систематический стихотворный перевод целого ряда римских поэтов, создав таким образом внушительную библиотеку собственных переводов. Вслед за полным Горацием (М., 1883) были переведены: Ювенал (М., 1885), Катулл (М., 1886), Тибулл (М., 1886), «Превращения» Овидия (М., 1887), Проперций (СПб., 1888), Вергилий (М., 1888), Персий (СПб., 1889), Марциал (М., 1891), комедия Плавта «Горшок» (М., 1891), «Скорби» Овидия, изданные уже после смерти Фета (М., 1893); сохранились в рукописи две главы «О природе вещей» Лукреция. К этому перечню следует добавить переводы из Шекспира, Гёте, Гейне, Шиллера, Уланда, Беранже, Мюссе, Рюккерта, Саади, Гафиза, Байрона, Мицкевича, А. Шенье, а также такие сочинения А. Шопенгауэра, как «Мир как воля и представление» (М., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле в природе» (М., 1886).

Размах напряженной переводческой деятельности Фета, значительно превосходящей по объему собственное поэтическое и публицистическое творчество, поражает не столько репертуаром имен, в котором,

³ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 259 (см. также С. 594).

⁴ См.: Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Секста Проперция. Пер. А. Фета. СПб., 1888.

безусловно, преобладали латинские авторы, не столько скоростью исполнения этих переводов, сколько тем, что из любителя античной поэзии Фет, упорно стремясь к абсолютной передаче буквы и духа оригинала, стал профессиональным филологом-классиком. «Русские филологи, — писал киевский профессор-античник Ю. А. Кулаковский в 1889 году, — должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он им в их задаче — сближать русское просвещение и русскую образованность с античным миром».⁵

В этой титанической работе Фет, по собственному признанию, пользовался советами, консультациями и помощью целого ряда лиц, которых впоследствии он с благодарностью перечислил в своих мемуарах. Из них первым поэт назвал Максима Германовича Киндлера, гимназического преподавателя латинской словесности, помогавшего ему при переводе Горация: «Хотя при дальнейших моих переводах древних поэтов судьба не посылала мне снова такого специального сотрудника, каким был Киндлер, тем не менее мне приходится усердно благодарить людей, <...> протягивавших руку помощи в моих работах. В самом деле, не удивительно ли, что, начиная с Аполлона Григорьева, я постоянно находил людей, бескорыстно жертвовавших в мою пользу своими досугами? Такими являлись: Федор Евгеньевич Корш, с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы „Превращения“, Катулла и полувину Проперция; Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов, с которым я перечитывал Тибулла и Проперция; Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев, исполнивший перевод 7-й, 9-й и 10-й книг „Энеиды“ Вергилия; Д. И. Нагуевский, снабдивший этот перевод введением и примечаниями; и наконец гр. Ал<ексей> В<асильевич> Олсуфьев, с которым мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливой капризника, как Марциал. Разве возможно без глубокой признательности помянуть все эти имена?».⁶ К этому перечню имен следует добавить и имя профессора-классика Ю. А. Кулаковского, помогавшего Фету при переводе комедии Плавта «Горшок». «Можно думать, — пишет Н. М. Мендельсон, — что именно под влиянием бесед с Кулаковским явилась у Фета, еще в 1887 г.,

⁵ Кулаковский Ю. А. К юбилею А. А. Фета. Киев, 1889. С. 4.

⁶ МВ. Ч. 2. С. 392–393; см. также: С. 387–388. О характере помощи, к примеру, Ф. Е. Корша можно судить по воспоминаниям современников: «...поэт Фет, в периоды своих занятий переводами латинских авторов, засиживался у Ф<едора> Е<вгеньевича> от 12 ч. дня до 2 ч. ночи!» (А. Г. <Грушка А.> Федор Евгеньевич Корш // Некрологи Ф. Е. Корша и А. Н. Шварца. М., 1916. С. 24).

мысль перевести „Aulularia“ Плавта. В сентябре этого года Фет получает от Кулаковского какое-то французское издание комедии. Из письма от 3 мая 1888 г. видно, что киевский профессор помогал Фету в переводе, что работа в этом же году была закончена, хотя перевод вышел в свет лишь в 1891 г.».⁷ Публикация и изучение сохранившейся переписки Фета с названными лицами, так или иначе причастными к работе над античными переводами,⁸ дает богатейший материал не только для житейской и творческой биографии поэта, но и для осмысления и анализа его новаторской техники перевода, до сих пор вызывающей разно- речивые споры.

Необходимо сказать несколько слов о личности помощника и корреспондента Фета. Будущий известный филолог-классик Дарий Ильич Нагуевский (1845–1919)⁹ учился в Киевской первой гимназии, о которой оставил воспоминания.¹⁰ В 1870 году он окончил Новороссийский университет и до 1883 года преподавал латынь в Александровской и Ломоносовской гимназиях Риги; магистерскую диссертацию защитил

⁷ См.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 36.

⁸ См.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 35–52; *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 204–228; *Асланова Г. Д.* Письма А. А. Фета А. В. Олсуфьеву // *Письма к Олсуфьеву (50–52)*.

⁹ Биографические сведения о Нагуевском содержатся в словаре Брокгауза и Эфрона (Т. 20. СПб., 1897. С. 429–430. Следует заметить, что здесь Нагуевский назван переводчиком «Энеиды» в соавторстве с А. Фетом; Новый энциклопедический словарь. Т. 27. Пг., [1916]. С. 783); см. также: Профессор Д. И. Нагуевский (К 30-летию его учено-педагогической деятельности) // *Волжский вестник* (Казань). 1900. 20 августа. № 185 (без подп.); *Асылбаев И. И.* Современник: Страницы биографии Дария Нагуевского // *Античность: История и историки / Межвузовский сборник*. Казань, 1997. С. 13–17. Любопытные, но весьма нелицеприятные воспоминания о Нагуевском оставил его студент в Казанском университете Евгений Александрович Бобров. По его словам, это была «одна из самых характерных фигур для университетов устава <18>84 года. <...> Теоретические лекции (Нагуевского) представляли из себя либо хлам, самую жалкую отсебятину, либо были натасканы из небольших брошюр и даже не иностранных в подлиннике, а прямо с русских переводов. Чем он занимался? По-прежнему набирал уроки в школах, пописывал кое-какие статейки, выдирая их из иностранных журналов и выдавая их за свои исследования» (см.: *Бобров Е. А.* Дарий Ильич Нагуевский. Воспоминания / Машинопись с правкой автора. Без даты. 6 л. // *ИРЛИ*. Ф. 677 (Архив Е. А. Боброва). № 42. Л. 1, 6).

¹⁰ См.: Воспоминания профессора Дария Ильича Нагуевского (1861–1866) // *Столетие Киевской первой гимназии*. Киев, 1911. Т. 1. С. 440–441.

в Харькове (1875), докторскую — в Дерпте (1883). В том же году Нагуевский был назначен профессором в Казанский университет; состоял членом попечительского совета Казанского учебного округа (1883–1898); в 1886 году организовал при университете Нумизматический музей и стал его директором. К моменту своего эпистолярного знакомства с Фетом, с которым лично он так никогда и не встретился, Нагуевский — доктор классической филологии, ординарный профессор Казанского университета по кафедре римской словесности, директор Нумизматического музея в университете, признанный автор учебных пособий, изданий латинских классиков с примечаниями, многочисленных научных и популярных книг и статей по римской сатире, Ювеналу, сатирам Горация, истории римской поэзии, нумизматике и др.¹¹

Таким образом, не случайно гр. А. В. Олсуфьев рекомендовал Фету для участия в работе над комментированием «Энеиды» именно Нагуевского, автора многочисленных комментированных изданий поэмы Вергилия для студентов гимназий и университетов.¹²

---

¹¹ Библиография научных трудов Нагуевского обширна и насчитывает десятки изданий. Приведу основные: Характер и развитие римской сатиры (Рига, 1872); Первая сатира Ювенала (магистерская диссертация; Рига, 1875); Избранные сатиры Горация. Объяснил для гимназий Д. И. Нагуевский (Воронеж, 1879); Римская сатира и Ювенал (Митава, 1879); *De Juvenalis Vita Observationes. Dissertatio inauguralis* (докторская диссертация на лат. яз.; Рига, 1883); О Югуртинской войне (Казань, 1884); Отличительные черты римского народного духа (Казань, 1885); Третья сатира Ювенала (введение, текст, варианты, комментарии и указатель). Объяснил и издал Д. И. Нагуевский, орд. проф. имп. Казанского университета. 2 изд., значительно дополненное и исправленное (Казань, 1887); О Жизнеописании Ювенала, исследование Д. И. Нагуевского (Казань, 1887); О рукописях, сохранившихся в изданиях Ювенала (СПб., 1888); Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год (Казань, 1889); Обзор персидских монет (Казань, 1892); *Виргилий и его эклоги. Очерки из истории римской поэзии* (Казань, 1895); История римской литературы Д. Нагуевского, заслуженного профессора имп. Казанского университета: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до эпохи Августа (Казань, 1911); Т. 2: Век Августа (Казань, 1915) и др.

Кроме того, Нагуевский опубликовал несколько фортепианных пьес и множество музыкально-критических статей в «Рижском вестнике». Полный список трудов Нагуевского за сорок лет, насчитывающий 299 номеров, см.: Ученые записки Казанского университета. 1911. Кн. 11; отд. изд. — Казань, 1911.

¹² См., к примеру: 1) «Энеида» Вергилия. Объяснил для гимназий Д. И. Нагуевский, преподаватель Александровской и Ломоносовской гимназий в Риге, магистр римской словесности. Ч. 1. Кн. 1–3. Лейпциг; Рига, 1880; Ч. 2. Кн. 4–6. Лейпциг, 1885; 2) Специальный учебный словарь к «Энеиде». Рига, 1883. Кн. 1–3; 3) «Энеида» с объяснением для гимназий: В 4 ч. Казань, 1886–1891 и др.

Из Предисловия Фета к «Энеиде» известно, что в разгар работы над переводом к сотрудничеству был привлечен Вл. Соловьев, который с 16 апреля по конец сентября 1887 года гостил в Воробьевке. В этом же предисловии Фет подробно объяснил причину, по которой он обратился за помощью к своему гостю: «...усиливающиеся хронические недуги и мучительное ослабление зрения привели нас к убеждению, что работа наша или затянется на неопределенное время, или остановится на половине пути (к этому времени был закончен перевод пятой книги. — С. И.). <...> В такую, можно сказать, плачевную минуту бессилия, говоря выражениями древних, — музы нежданно послали нам незаменимого помощника в лице Вл<адимира> Серг<еевича> Соловьева, превосходно владеющего русским стихом, при тонком эстетическом чутье и основательном знании латинского языка. Шестую книгу мы перевели с ним общими силами, а затем, в видах выигрыша времени, разделили труд, и седьмая, девятая и десятая книги вполне переведены им».¹³

¹³ Фет А. А. Предисловие // Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888. С. VIII–IX. Далее сокращенно: *Энеида*, с указанием части. Из Предисловия Фета неочевидно, что в действительности инициатива помогать Фету в переводе принадлежала Вл. Соловьеву. В письме к А. В. Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г. Фет сообщает, что Соловьев «любезно вызвался помогать мне в переводе» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 234). Участию Соловьева в переводе «Энеиды» посвящено гораздо больше исследований, чем самому переводу Фета (см.: *Петровский Ф. А.* Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // *Вопросы античной литературы и классической филологии.* М., 1966. С. 294–295; *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // *Поэтика перевода.* Сборник статей / Сост. С. Гончаренко, предисл. Е. Николовой. М., 1988. С. 35; *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 76; *Тоннер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001. Об эволюции переводческой концепции Фета см. С. 100–106; *Тенерик Т. Ф.* Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // *Владимир Соловьев и культура Серебряного века.* К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева. М., 2005. С. 158–164; *Марков А. В.* Вл. Соловьев как переводчик: пророчества поэтического мира // Там же. С. 152–157. Следует отметить, что известный исследователям автограф перевода Соловьева из VII книги «Энеиды» насчитывает лишь небольшую часть стихов (ст. 456–517). В то же время сохранился автограф Фета (кн. VII, ст. 430–455), что в какой-то мере позволяет усомниться в единоличной принадлежности Соловьеву перевода всей седьмой книги (см.: *РГБ.* Ф. 315. К. 1. № 39).

Лишь недавно, в связи с подготовкой и выходом в свет первых томов Собрания сочинений и писем Фета в 20 томах, в частности, второго тома, включившего переводы 1839–1863 гг., исследователи обратились к серьезному изучению пере-

История русских переводов из «Энеиды» насчитывает десятки единиц, однако большинство из них не были полными. Среди полных переводов, выпущенных до Фета, следует назвать, помимо перевода В. Петрова, выполненного рифмованными стихами (СПб., 1781–1786, александрийским стихом), переводы И. Шершеневича (Варшава, 1868, размером подлинника — гекзаметром) и И. Соснецкого (М., 1872, рифмованным анапестом). О двух последних Фет пишет в Предисловии к своему переводу «Энеиды»: «Приступая к переводу, мы запаслись двумя стихотворными переводами наших предшественников и каждый раз, когда нападали на место, требовавшее особой уловки или приема при передаче на русский язык, справлялись у них, ожидая там найти этот прием готовым. Действительно, было бы странно томительно отыскивать вещь, давно уже найденную; — но — увы! каждый раз мы находили в обоих переводах полное отсутствие интересовавшего нас вопроса».¹⁴

Это неудивительно, поскольку Шершеневич открыто заявлял в своем предисловии, что сознательно отказывается от подстрочного и буквального переводов,¹⁵ а Соснецкий, хотя и называл свой перевод почти подстрочным, все же стремился к общедоступности и «простоте выражения».¹⁶ При переводе Вергилия Фет обратился к лучшим изданиям римского поэта с параллельными текстами на латинском и немецком или французском языках.¹⁷

водческого наследия поэта. См.: Успенская А. В. А. А. Фет — переводчик античных поэтов // Успенская А. В. Античность в русской поэзии. СПб., 2005. С. 215–292; Ачкасов А. В. 1) Переводческие принципы А. А. Фета: традиции и новаторство // Традиции в контексте русской культуры (Межвуз. сб. научн. работ). Череповец, 2002. Вып. 9. С. 156–172; 2) Фет-переводчик в оценках 1920–1990-х годов // *Фетовские чтения (XVIII)*. С. 183–197; Генералова Н. П. О Фете-переводчике // *Фет. СС и П.* Т. 2. С. 519–550.

¹⁴ Фет А. А. Предисловие // *Энеида*. Ч. 1. С. X.

¹⁵ Энеида Вергилия. Перевод И. Шершеневича. Варшава, 1868. С. 7–9. обстоятельный критический разбор перевода Шершеневича был сделан Н. А. Добролюбовым в студенческой работе (см.: Добролюбов Н. А. О Вергилиевой Энеиде в русском переводе г. Шершеневича; сравнение с подлинником перевода первой книги (1854) / Публ. и предисловие Ю. Г. Оксмана, примеч. А. В. Болдырева // *Известия АН СССР*. 1936. № 1–2. С. 274–288).

¹⁶ Энеида Вергилия. Перевод (в стихах) с латинского Ивана Соснецкого, преподавателя 2-й московской гимназии. М., 1872. С. 3.

¹⁷ См.: 1) Vergil's Gedichte. Erklärt von Th. Ladewig. Berlin, 1881 (9-е изд.). Bd 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper (первое изд.: Vergil's Gedichte. Erklärt von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII); 2) Collection

11 марта 1887 года Фет, ссылаясь на ставшее ему известным письмо Нагуевского к их общему знакомому кавалерийскому генералу и классику-дилетанту графу А. В. Олсуфьеву, в котором высказывалось пожелание, чтобы поэт занялся переводом «Энеиды» (само письмо Нагуевского не сохранилось), лично обращается к ученому. «...Обстоятельства внушают мне смелость надеяться, — писал Фет, — что Вы не откажетесь от любезной Вашей мысли написать самонужнейшие примечания к моему переводу, причем, конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода». К этому моменту Фет не только уже приступил к переводу, но и перевел половину первой книги «Энеиды». В письме от 4 марта 1887 года к графу Олсуфьеву он пишет: «В настоящее время я, как будто подслушав желание Нагуевского, занят переводом „Энеиды“, а между тем не знаю ни имени и отчества, ни адреса Нагуевского. <...> Вы премного бы обяжали, сообщив <...> адрес Нагуевского».¹⁸

29 апреля Фет благодарит Олсуфьева: «...только Вашему посредничеству я обязан отрядным письменным знакомством с Нагуевским. Если, как я неоднократно говорил, тонкое понимание классиков и бескорыстная к ним любовь так изумительны в кавалерийском генерале, то такая бескорыстная любовь в человеке, обремененном профессией, от которой зависит его насущный хлеб, даже трогательна». В этом же письме Фет сообщал графу, что нездоровье не помешало ему «добраться до конца пятой книги „Энеиды“ и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу».¹⁹ Граф Олсуфьев, редактировавший латинские тексты Овидия и сверявший переводы,²⁰ был недоволен примечаниями переводчика, и не исключено, что именно он сообщил Нагуевскому о том,

---

des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de m. Nisard, maître de conférences à l'école normale: Lucrèce, Virgile, Valérius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843 (прозаический перевод, без комментариев); см. также: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poete narrationem. Lipsiae, 1859 (только латинский текст, без комментариев). Перевод, пишет Фет в Предисловии, «веден по самому благонадежному тексту Th. Ladewig'a, изданного под редакцией Carl Shaper'a». Здесь же он упоминает об использовании также прозаического французского перевода Низара (см.: *Энеида*. Ч. 1. С. IX, IV, а также письмо Фета к Нагуевскому от 31 марта 1887 г.).

¹⁸ *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 233–234.

¹⁹ Там же.

²⁰ Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887, с параллельными русскими и латинскими текстами; далее: *Овидий. Превращения*.

что Фет приступил к переводу «Энеиды». Позже, столкнувшись с затруднениями при переводе Персия, Фет обращается именно к Олсуфьеву с просьбой указать такого комментатора, который облегчил бы его труд «ученой критикой» (31 декабря 1888 года).²¹

Наиболее оптимальную организацию совместной работы с Нагуевским Фет видит следующим образом: «...в случае замеченного Вами желательного исправления, вам достаточно (как это делал граф Олсуфьев) подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать над ними желаемый Вами перевод» (письмо 3). Уже через месяц Фет исправляет по присланным Нагуевским замечаниям значительный объем текста — более 700 стихов и советует ученому отказаться от излишних примечаний, полагаясь на «непосредственное чувство», которое «само укажет» те «места, где, невзирая на точный и ясный перевод, читатель-неспециалист не поймет ничего без объяснения» (письмо 4).

Спешность, с которой велась эта работа, была вызвана ухудшением здоровья Фета — обострились хронические недуги, ослабло зрение, — предчувствием конца и желанием успеть завершить текущие труды. Работа над переводом началась в марте 1887 и закончилась в конце лета — в начале осени 1887 года, представив полный перевод «Энеиды». «Что бы там ни говорили, неопровержимое дело будет состоять в том, что мы первые с Вами явимся на Руси с изданием перевода „Энеиды“, действительно заслуживающим такого названия» (п. Фета от 21 ноября 1887 года).

В процессе работы казалось бы безоблачное и продуктивное сотрудничество Фета с Нагуевским омрачилось неприятным инцидентом, в который оказались вовлечены, помимо участников готовящегося издания «Энеиды», А. В. Олсуфьев, Ф. Е. Корш, Вл. Соловьев и Ю. А. Кулаковский. Причина недоразумения, в результате которого Нагуевский отказался от сотрудничества во второй части готовящейся книги, восстанавливается по письму Фета от 23 октября 1887 года. Оказалось, что Нагуевский предложил Фету обозначить на титуле, что перевод сделан под его редакцией. Это вызвало протест Вл. Соловьева, считавшего себя причастным к редактированию переводов. Соловьева поддержал и гр. Олсуфьев. Недоразумение удалось уладить благодаря содействию гр. Олсуфьева, и через месяц Нагуевский вернулся к работе.

Начиная со второй части, характер сотрудничества Фета и Нагуевского изменился, что было вызвано, прежде всего, спешностью, обусловленной упущенным временем. Примечания ко второй части «Энеиды»

²¹ Письма к Олсуфьеву (50). С. 246.

(кн. VII–XII), а также краткие изложения содержания этих книг были написаны Фетом и только отредактированы Нагуевским, хотя на титуле он продолжал оставаться как автор примечаний.

В самом начале 1888 года совместный труд Фета и Нагуевского вышел из печати. На титуле значилось: «Энеида» Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора императорского Казанского университета. Часть первая. I–VI. Часть вторая. VII–XII. М., 1888.

По выходе первой книги «Энеиды» в газете «Новости и Биржевая газета» была опубликована развернутая статья профессора-классика В. И. Модестова, озаглавленная «Г. Фет и г. Нагуевский», основное содержание которой свелось к обвинению Нагуевского как автора «Введения» и примечаний в плагиате и в якобы ошибочном написании имени римского поэта («Вергилий» вместо «Виргилий»). В отношении же Фета, «очень пожилого и болезненного», по аттестации автора, человека, бестактно намекалось на якобы нерусское его происхождение.²² О том, какое впечатление произвела эта статья на современников, можно судить по реакции Н. С. Лескова, писавшего А. С. Суворину 26 марта 1888 года: «Какие хамы у нас в двор<я>нских собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью „Новостей“, где литературный хам „отделал Фета“. Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья!...».²³

Выступление Модестова не осталось незамеченным, обсуждение этой статьи нашло отражение в переписке Фета и Нагуевского: «Когда

---

²² Модестов В. Г. Фет и г. Нагуевский // Новости и Биржевая газета. 1888. 25 января. № 25. С. 2.

²³ Письма русских писателей к А. С. Суворину / Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Л., 1927. С. 65. За два года до этого письма Лескову уже приходилось печатно защищать поэта в связи с акростихами-пасквилями на Н. П. Ланина и редактора журнала «Заря» В. В. Кашпирева («Зоря Кашпирева умирает»), опубликованными якобы за подписью Фета. Лесков, не называя имени Д. Д. Минаева, признавшегося ему в авторстве последнего акростиха, дает его узнаваемое описание (см.: Лесков Н. Об авторе пасквильных акростихов // Новое время. 1886. 4 марта. № 3596. С. 5). Отправляя эту статью Суворину для публикации, Лесков пишет 3 марта 1886 г.: «...напечатайте-ка прилагаемую заметку о пасквильных акростихах. Поэт тут упоминаемый есть Д. Минаев. Событие, разумеется, верно, как то, что я чту имя Божие» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 311). См. также: Садовской Б. Пасквильные акростихи (К истории литературных нравов) // Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 175–178.

на днях я увидел безобразную статью Модестова в „Новостях“, — пишет Фет в письме от 6 февраля 1888 года, — то в ту же минуту написал заявление в „Моск<овские> ведомости“ <...>. Действительно, полемическая заметка Фета была опубликована в «Московских ведомостях». По причине ее малой известности приводим ее полностью:

Возводя здание, можно воспользоваться любезною помощью стороннего лица, передавая ему не только постройку ограды, но даже принимая его помощь при возведении стен. Такое сотрудничество, однако, не обязывает хозяина принимать без разбора всякий материал и форму, хотя бы явно отступающие от плана, избранного строителем.

В предисловии к переводу «Энеиды» мы ясно высказали, почему держались одной системы при переводе лирических стихотворений Горация и Катулла и другой — в переводах дидактических и эпических произведений. Сверх того, мы с полною откровенностью отклоняли от себя всякую солидарность с самобытным филологическим трудом. Переводить нас забавляло, а препираться, хотя бы и филологически, нам не кажется привлекательным. Дурнокачественность покупной булки должна всецело относиться к булочнику, у которого она куплена. Ища наилучшего текста «Энеиды», мы получили Ladewig'a, а насколько он хорош — не наше дело.

Мы не стали бы толковать о нашем переводе, который у всех желающих пред глазами, если бы в приведенной нами статье г. Модестова не заключалось порицание г. Нагуевского за переправку имени *Виргилия* в *Вергилия*. Оставить это обвинение без оговорки нам невозможно. Эту переправку сделали мы вопреки выставленного рукой г. Нагуевского на обертке: *Виргилий* и ни за что не согласились бы изменить ее. Мы держались Ladewig'a, у которого напечатано: «*Vergil's Gedichte*».

Что касается введения и примечаний, которыми г. Нагуевский любезно снабдил перевод, то, найдя их соответствующими основаниям, на которых был веден перевод, мы напечатали их целиком, так как самое предисловие ученого профессора снимало с формальной стороны с нас всякую дальнейшую ответственность.

4 февраля 1888. А. Фет.²⁴

Фет, с присущей ему щепетильностью, словно не заметил выходки Модестова в отношении своего происхождения.²⁵ Но в номере от 29 января в той же газете появилась заметка без подписи, где грубой выходке Модестова был дан достойный отпор. Приведем ее целиком:

Г. Модестов, рассматривая в «Новостях» перевод г. Фетом «Энеиды» Вергилия, между прочим говорит:

«И действительно, г. Фет человек уже очень пожилой и болезненный. Он торопится дать *усыновившему его отечеству* все, что чувствует себя еще в состоянии

---

²⁴ Фет А. Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости». № 25) // *МВед.* 1888. 5 февраля. № 36. С. 6.

²⁵ Правда, можно предположить, что ниже приводимая заметка, опубликованная несколькими днями ранее, тоже принадлежит перу Фета.

дать ему и что придает его нынешней деятельности самый симпатичный и даже трогательный характер».

Интересно знать, почему это наш маститый поэт, как известно, коренной русский человек и помещик одной из внутренних губерний, носящий *чисто русскую* фамилию, является только «усыновленным» Россией? Не псевдоним ли ввел в заблуждение г. Модестова? Смеем уверить всех гг. ученых редакции «Новостей», что г. Фет гораздо более истинный «сын» России, чем все они вместе взятые.²⁶

Возмущенный Нагуевский обращается к Фету (письмо не сохранилось) с просьбой «защитить» его от «инсинуаций» Модестова, но Фет советует ему самому отвечать оппоненту, мотивируя это тем, что как человек, стоящий вне науки, он не в состоянии опровергнуть ученые нападки, не возбудив при этом чью-то злорадную веселость.

Статья Нагуевского «Письмо к издателю (Ответ г. Модестову)», по рекомендации Фета, была опубликована в середине февраля 1888 года в «Московских ведомостях». В ней Нагуевский, отводя обвинения Модестова, пишет, что выступление это носит субъективный характер нападок личного свойства против него как составителя «Введения». «Г. Модестов негодует на то, что я в книге г. Фета сохранил чтение Вергилий, а не Виргилий <...> в ученой литературе вариант Вергилий употребляется едва ли не чаще варианта Виргилий. Здесь я укажу только, что О. Риббек, которого критическое издание произведений Виргилия признается образцовым, везде сохраняет Вергилий²⁷ <...> г. Фет, придерживаясь в общем издания Ладевига, предпочел вариант Виргилий, в чем отказать ему я не счел себя в праве, подобно тому как не настаивал на той или другой передаче собственных имен в „Энеиде“».

Однако основной упрек автора критической в отношении Нагуевского статьи заключался в якобы заимствовании им «некоторых отделов» из пособия В. И. Модестова «Лекции по истории римской литературы»²⁸ без ссылок на источник выборки. В свое оправдание Нагуевский писал: «Если я не приводил труда г. Модестова по страницам, то единственно потому, чтобы не обременять книги цитатами и ссылками, в которых ни учебное издание, ни популярный перевод не нуждаются».²⁹

²⁶ *МВед.* 1888. 29 января. № 29. С. 4.

²⁷ Нагуевский имеет в виду издание: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poete narrationem. Lipsiae, 1859.

²⁸ См.: *Модестов В. И.* Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание: три курса в одном томе. СПб., 1888.

²⁹ *Нагуевский Д.* Письмо к издателю (Ответ г. Модестову) // *МВед.* 1888. 13 февраля. № 44. С. 5.

Одновременно со статьей Модестова была опубликована анонимная рецензия в «Русском вестнике», принадлежащая, скорее всего, Ю. А. Кулаковскому, который эпизодически сотрудничал в журнале, помещая статьи на античные темы: «С удовольствием приветствуем мы этот новый труд нашего заслуженного перед классическим миром поэта», перевод которого «отличается вообще большой точностью <...>. Нам попадались на глаза целые десятки стихов кряду, где не только каждый стих перевода точно соответствует стиху подлинника, но где перевод воспроизводит даже и самый порядок слов оригинала». По мнению рецензента, «г. Фет такой мастер стиха и так владеет русским словом, слогом и стилем, в его переводе видно столько продуманного труда <...> что наши филологи могут теперь надеяться, что Вергилий и у нас на Руси перестанет быть только *школьным* автором». Что касается участия Нагуевского, говорится в статье, то «нас удивило несколько то, что сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду же мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. Преобладают в этом переводе примечания немецкого издания *Kappes'a* <...>. Иногда на помощь приходило <...> издание Ладевига. Примечания в этих изданиях хорошие и пользоваться ими, конечно, непредусудительно; но к чему же тогда давать такой тон своему званию специалиста, какой считал нужным принять г. Нагуевский <...>. Свое пристрастие к *переводам* г. Нагуевский доводит так далеко, что даже содержания отдельных книг „Энеиды“, которыми он снабдил перевод г. Фета, заимствованы дословно из примечаний Каппеса. <...> Не беремся угадывать, насколько „Энеида“ в русском переводе г. Фета обязана своей исправностью и точностью „проверке текста“, произведенной г. Нагуевским, о которой г. Фет счел нужным заявить на заглавном листе. <...> Но каково бы там ни было участие г. Нагуевского в переводе, важно то, что теперь мы на русском языке имеем бессмертное творение Вергилия».³⁰ Полемический характер рецензии Кулаковского в отношении Нагуевского был, по всей видимости, отчасти вызван тем, что он рассчитывал на роль помощника Фета, когда Нагуевский устранился от участия во втором томе «Энеиды», что, впрочем, не снимает с Нагуевского профессиональных обвинений.³¹

³⁰ [Кулаковский Ю. А.] Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета... Часть первая. I–VI. М., 1888 // *PВ*. 1888. Т. 194. Январь. С. 289–293 (отдел «Новости литературы»).

³¹ Так, 11 ноября 1887 г. Кулаковский писал Фету о Нагуевском: «Человек подобного сорта не достоин был той чести, которую Вы ему оказали, обратившись к нему». Цит. по: Мендельсон Н. М. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 36.

По мнению того же Ю. А. Кулаковского, высказанному им в другой статье — посвященной юбилею Фета, — перевод «Энеиды» Вергилия, на титульном листе которого обозначено: «Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского», «не выиграл от участия в деле его издания этого наивного компилятора чужой учености, который не останавливается и перед плагиатом. Различные более или менее тонкие оттенки в языке Вергилия, оставшиеся незамеченными г. Фетом, ускользнули и от г. Нагуевского. Этот последний имел над г. Фетом одно лишь преимущество: тогда как г. Фет пользовался при своем переводе одним немецким комментированным изданием (Ladewig), у г. Нагуевского было их под руками два (Ladewig и Karpes³²). Но это преимущество далеко не уравновешивалось другим, которое было всецело на стороне г. Фета. Разумеется то, что г. Фет владеет русским языком, как его мастер, тогда как г. Нагуевский в нем вовсе не хозяин. Образчики его собственного стиля в предисловии и примечаниях дают красноречивое свидетельство о том, как мало мог он быть компетентен в суждении о правильности передачи г. Фетом вергилиева текста на русский язык».³³

Анонимная рецензия на первую часть фетовского перевода «Энеиды» появилась в еженедельной московской газете «Русское дело» (редактор-издатель С. Ф. Шарапов). По причине ее малой известности приведем ее целиком:

На днях появилась на русском языке «Энеида» Вергилия в переводе А. А. Фета. С искренним удовольствием приветствуем этот новый важный вклад в русскую переводную литературу, сделанный нашим маститым поэтом, в течение немногих лет обогатившим нас переводами Горация, Ювенала, Катулла, Тибулла, «Метаморфоз» Овидия и, наконец, «Энеиды» Вергилия. Обнаружив смолоду, с первых же шагов своих на литературном поприще, удивительную способность проникаться духом классической древности и подарив русское общество множеством грациозных антологических стихотворений, г. Фет годы преклонного возраста посвящает почти исключительно переводам лучших римских поэтов. Отрадно и поучительно видеть удрученного летами поэта, который в борьбе с «усиливающимися хроническими недугами и мучительным ослаблением зрения», с неутомимой энергией продолжая служить русской литературе и обществу, торопится «воспользоваться минутами до окончательной невозможности продолжать свой труд» (предисловие к переводу).

³² Речь идет об издании: Vergil's Aeneide für den Schulgebrauch erklärt von Karl Karpes (Leipzig: Teubner, 1878), которое в своем предисловии Нагуевский не указывает (см.: *Энеида*. Ч. 1. С. XI–XII).

³³ *Кулаковский Ю. А.* К юбилею А. А. Фета. С. 8–9. Отдельные языковые обороты в этой статье, текстуально совпадающие с анонимной рецензией в «Русском вестнике», дают достаточные основания атрибутировать ее Кулаковскому.

Кроме русской филологической науки, вообще, переводы г. Фета должны сослужить особенно полезную службу русскому учащемуся юношеству, заменив собой глупые и вредные, преследующие преимущественно спекулятивные цели, *подстрочники*, и людям, не имевшим случая настолько усвоить древние языки, чтобы заниматься в подлиннике с великими произведениями классиков.

«Энеида» переведена размером подлинника и при том с поразительной точностью: слово в слово, стих в стих и почти конструкция в конструкцию. Эта поистине изумительная точность имеет, конечно, свое значение в филологическом отношении, что поэт-переводчик прекрасно доказывает в оригинальном и крайне интересном предисловии к своему труду. Он излагает и защищает правила, которым строго следует в своих последних переводах. Но мы находим, что эта погоня за полной буквальностью, при всем таланте г. Фета и выработанной многими годами технике стиха, несколько вредит внешней форме, весьма важной в переводах поэтических произведений, придавая ей местами некоторую тяжеловесность, шероховатость и запутанность конструкций. Это весьма понятно по той простой причине, что конструкция совершенно обычная и вполне удобная в латинском или греческом языке является часто довольно тяжелой и не совсем удобной в русском. Интересно в этом отношении сравнить перевод «Энеиды» и другие непосредственно предшествующие ей переводы г. Фета с классическими русскими переводами «Илиады» Гнедича, «Одиссеи» Жуковского и вполне прекрасным, истинно поэтическим переводом «Од» Горация самого г. Фета, сделанный в гораздо более раннюю пору его жизни. По буквальной точности первые имеют бесспорное преимущество перед последними, но со стороны красоты и художественности формы последние несомненно стоят выше первых.

На помощь престарелому и удрученному недугами поэту явился достойный помощник в лице Вл. С. Соловьева, и шестая книга «Энеиды» переведена совместно с ним, а седьмая, девятая и десятая вполне им.

Введение, объяснения и проверка текста — труд профессора казанского университета Д. И. Нагуевского. Внешность книги трудно в чем-либо упрекнуть.³⁴

Кроме того, хвалебная рецензия на перевод Фета была опубликована в «Пантеоне литературы». Ее автор, ученый-классик В. А. Алексеев, дал сравнительный анализ переводов Фета и Шершеневича, из которых более удачным признал перевод Фета — «ценное приобретение для русской литературы». Что касается Нагуевского, то и здесь ему был высказан целый ряд серьезных замечаний, а также сожаление, что примечания «могли бы быть и обстоятельнее».³⁵

---

³⁴ Русское дело. 1888. 16 января № 3. С. 11 (отдел «Новости литературы»). Не исключено, что автором рецензии мог быть сотрудничавший в это время в газете А. А. Александров, поэт, литературный критик, преподаватель, знакомый и корреспондент Фета.

³⁵ Алексеев В. А. Новые книги // Пантеон литературы. 1888. Т. 1. Январь — апрель. С. 28–31 (отдел «Современная летопись»).

12 февраля 1888 года Фет, утомленный затянувшейся полемикой, писал Нагуевскому: «...всякое доброе дело влечет за собою заслуженное наказание. Мы оба с Вами увлеклись благою мыслию представить в наилучшем виде „Энеиду“ на русском языке и за это оба наказаны. Знай мы наперед последствия наших усилий, то Вы бы ни за что не протянули мне руку помощи, а я с своей стороны предпочел бы оставить текст с теми промахами, от которых Вы его избавили, сопроводив его заведомо переводными объяснениями. Но ничего нет бесплоднее исправлений совершившегося».

После смерти Фета Нагуевский неизменно уважительно отзывался о Фете и о его переводческой деятельности. Так, в своей «Истории римской литературы» в 1911 году ученый писал: «В настоящее время возможно отметить лишь немногие крупные явления в русской переводной литературе: Т. Ливий (под ред. Адрианова), Тацит (В. Модестова), речи Цицерона (Ф. Зелинского т. 1), Гораций, Катулл, Тибулл, Марциал, „Энеида“ Вергилия и нек<оторые> др<угие> поэты (А. Фета)».³⁶

Трудно переоценить значение сохранившейся переписки Фета и Нагуевского, в которой детально отражены все перипетии работы Фета над переводом «Энеиды», озвучены и обоснованы новаторские переводческие приемы, не получившие должной оценки ни у современников, ни в науке о переводах. Нельзя не согласиться с мнением Н. П. Генераловой, что «дальнейшие исследования принципов перевода, которые можно извлечь из того, что осталось в творческом наследии Фета-переводчика, возможно, определяют подлинное место этого наследия в истории русской переводной литературы».³⁷

³⁶ *Нагуевский Д. И.* История римской литературы: В 2 т. Казань, 1911. Т. 1: С древнейших времен до эпохи Августа. С. 26. В разделах, посвященных Овидию (Т. 2: Век Августа. Казань, 1915. С. 421–636) и Катуллу (Т. 1. С. 641–679), Нагуевский приводит произведения римских лириков в переводах Фета. Необходимо также упомянуть о рукописи неопубликованной обширной рецензии Нагуевского на перевод Катулла, изданный Фетом (М., 1886), хранящейся в Отделе рукописей и редкой книги Казанского университета (№ 8170): *Нагуевский Д. И.* Первый римский лирик в русском переводе (Стихотворения Катулла в пер. и с объясн. А. Фета. М., 1886). Казань, 1886. 46 л. Рукопись представляет собой чистовую писарскую копию в 4^о, подготовленную, вероятно, для печати. За сведения о ней благодарю А. А. Костина. Трудно сказать, почему эта публикация не состоялась; возможно, редакция *ЖМНП*, для которого могла быть подготовлена статья Нагуевского, предпочла рецензию другого автора (см.: *ЖМНП*. 1886. Т. 245. № 6. С. 430–438; подп.: Н. К. С-ский).

³⁷ *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет. ССУП*. Т. 2. С. 528.

Все письма Фета написаны на личных бланках под диктовку рукой секретаря поэта Е. В. Федоровой (Кудрявцевой). Приписки и подписи сделаны Фетом (РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. № 1325). Нумерация писем Фета и годы в архивной подборке проставлены чернилами рукой Нагуевского, другие его пометы на письмах поэта оговариваются отдельно. По какой причине Нагуевский не включил в эту подборку последнее письмо Фета, двадцать шестое, трудно сказать (не исключено, что это письмо не было отослано адресату); однако черновик этого письма, написанный карандашом рукой Е. В. Федоровой, сохранился в архиве поэта и приводится в данной публикации (№ 40). См.: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 5.

Следует добавить, что двадцать пять из имеющихся двадцати шести писем Фета к Нагуевскому были не так давно опубликованы Н. С. Алмазовой с многочисленными купюрами и фактическими ошибками.³⁸ Публикатору осталось неизвестным существование ответных писем Д. И. Нагуевского, хранящихся в фонде Фета в РГБ: Ф. 315. К. 9. № 29, и черновика последнего письма Фета к Нагуевскому (Там же. К. 4. № 5).

Письма воспроизводятся по подлинникам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных грамматических и синтаксических особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации.

За помощь в переводе латинских цитат благодарю К. А. Богданова.

1

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

11 марта 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

11-го марта.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Les beaux esprits se rencontrent^a

Как грамотному человеку мне было бы совестно не знать Вас и Ваших почтенных трудов; а занимаясь переводами латинских классиков, не могу отказать себе в удовольствии обратиться к Вам письменно.

---

³⁸ См.: Перевод «Энеиды» Вергилия в социокультурном контексте России конца XIX века (25 писем А. А. Фета Д. И. Нагуевскому) / Подготовка текста, предисл. и коммент. Н. С. Алмазовой // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск, 2007. Вып. 3. С. 290–333. Далее: *Алмазова*, с указанием страницы. См. также: *Алмазова Н. С.* «Habent sua fata... conversiones»: О переводе «Энеиды» Вергилия в переписке А. А. Фета и Д. И. Нагуевского // Проблемы антиковедения и медиевистики. Нижний Новгород, 2006. Вып. 2. С. 181–192.

^a Великие умы сходятся (*франц.*).

Вот уже третий день, что я вернулся на лето в деревню из Москвы, где провожу обычно зиму. Там между прочим граф Ал<ексей> Вас<ильевич> Олсуфьев показал мне Ваше к нему письмо,¹ в котором Вы выражаете желание, чтобы я занялся переводом «Энеиды». Это было для меня тем более радостно, что, при получении Вашего почтенного письма, половина первой книги «Энеиды» была уже мною переведена.

Хотя, положив руку на сердце, несмотря на красивые места в «Энеиде», работаю над нею не с тем же увлечением, как над другими поэтами, — тем не менее сердечно рад, что эта работа займет мое деревенское время.

В моем предисловии к Овидию я чистосердечно признаюсь, что я не более как любитель-переводчик, но нимало не филолог.² Для меня объяснения только натканные ветки, указывающие надлежащий путь разумения. Но у меня не хватает ни умения, ни терпения рассматривать каждую отдельную ветку порознь. Граф Олсуфьев, занимавшийся редакцией латинского текста Овидия и проверкою текста моего перевода, остался, как он мне на днях говорил, недоволен моими примечаниями, будто бы неправильно опровергающими мой правильный перевод.

Но в «Энеиде», как мне кажется, таких разночтений в тексте не встречается, а я перевожу по Ladewig'у,³ и эти обстоятельства внушают мне смелость надеяться, что Вы не откажетесь от любезной Вашей мысли написать самонужнейшие примечания к моему переводу, причем, конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода.⁶

Дальнейшие шаги мои в этом направлении будут, конечно, зависеть от Вашего ответа, и, если он окажется благоприятным и Вы найдете это нужным, — я начну высылать Вам одну песню перевода за другою, чтобы выслушивать замечания Ваши касательно стихов перевода, настоятельно требующих поправки.

В письме Вашем к графу Вы назвали перевод Шершеневича⁴ устарелым, но, познакомившись с ним, я нашел в нем простой вольный пересказ содержания «Энеиды» и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода.

Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то тем не менее могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков. Переводить песни прозой — невозможно. Стихи имеют свои права, которых нарушать нельзя.⁵

---

⁶ От слова «конечно» и до конца предложения отчеркнуто простым карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.

Я полагал, что «Энеида» представит для меня шуточную работу и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция.⁶

Каково бы ни было Ваше решение по отношению к моей «Энеиде» — прошу принять^в уверения в глубоком почтении Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

На обороте:

К адресу в заголовке этого письма следует только прибавить: Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 4–6 об.

Впервые опубликовано (без постскриптума, с неточностями и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 14 октября, приложение «Литература, искусство, наука». № 2. С. 1, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

¹ Граф *Алексей Васильевич Олсуфьев* (1831–1915) — генерал-лейтенант от кавалерии, с 1892 г. генерал, не имел специального филологического образования, однако был страстным почитателем и серьезным знатоком римской поэзии. Великолепно знал быт, историю, культуру Древнего Рима. Был лично знаком со многими известными учеными-классиками. Фет познакомился с Олсуфьевым 4 октября 1886 г. (см.: *Летопись. Дополнения.* С. 339). Преданно помогал Фету в исправлении и проработке таких его переводов латинских авторов, как «XV книг Превращений» Овидия (М., 1887), «Элегии» Проперция (СПб., 1888), «Сатиры» Марциала (М., 1891) и др. Их дружба, основанная на «долговременном и драгоценном сотрудничестве», продолжалась до конца жизни поэта (см.: *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 214–223). Его основные работы: Ювенал в переводе г. Фета. (СПб., 1886); Марциал: Биографический очерк (М., 1891).

² Фет пишет об этом не в Предисловии к Овидию, а в главе «Жизнь Овидия»: «Ввиду возможной близости перевода к оригиналу граф Олсуфьев настоял на печати книги с латинским оригиналом рядом. Когда мы согласились на такое усложнение дела, граф, найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших. <...> За спешностью работы граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию. <...> Зато все примечания, касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева, и мы, пользуясь чужой ученостью и трудами, не желаем в глазах публики из скромного переводчика превращаться в знатока филолога» (*Овидий. Превращения.* С. XIX).

³ Имеется в виду издание «Энеиды» в переводе Теодора Ладевига, осуществленное немецким филологом-классиком Карлом Шапером (1828–1886). Подробнее об этом издании см. во вступит. статье.

---

^в *Далее рукой А. А. Фета.*

⁴ См. о переводе Шершеневича во вступит. статье к наст. публикации. *Иосиф Григорьевич Шершеневич* (ум. 1894) был директором Одесской мужской гимназии. Первое издание «Энеиды» в его переводе см.: Одесса, 1845–1847 (указано М. Д. Эльзоном). О предшествовавших переводу Фета переводах Нагуевский пишет во «Введении»: «*Русского издания*: произведений Вергилия нет до сих пор; нет даже полного издания „Энеиды“, так как жалкая, лишенная всяких достоинств обработка какого-нибудь Соснецкого <...> и подобных ему спекуляторов-издателей, не заслуживает и упоминания. <...> Из *русских* переводов в свое время пользовался некоторою известностью перевод (без примечаний) „Энеиды“, размером подлинника, изданный *Шершеневичем* (Варшава, 1868)» (*Энеида*. Ч. 1. С. XXVII–XXVIII).

⁵ В Предисловии к «Энеиде» Фет пишет: «...не станем ратовать против советующих противопоставлять нашим стихотворным переводам переводы в прозе. Как и что на это возражать? Что такое прозою переведенный поэт? Кому может быть нужен подобный перевод? Разве школьнику, который не в состоянии справиться с оригиналом <...>» (Там же. С. IV).

⁶ См.: Элегии Секста Проперция. Пер. А. А. Фета. СПб., 1888.

2

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

20 марта 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ

20 марта 1887. Казань.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Премного благодарен Вам за лестное предложение быть Вашим оруженосцем в деле закрепления за русской литературой поэмы знаменитого римского этика. Душевно радуюсь и за отечественную Музу и за Вергилия, которому, наконец, в лице Вашем, удалось обрести надежного, талантливого и рачительного истолкователя отечественной речью его заветных песнопений. С своей стороны я готов всячески содействовать Вашему предприятию. Избранный Вами текст Ладевига¹ вполне одобряю; только необходимо, чтобы Вы руководствовались новейшим изданием этого текста, обработанного после смерти Ладевига Шапером (Schaper) в коллекции классиков Вейдмана в Берлине.² В некоторых случаях (впрочем весьма немногих), думаю, придется обратиться к изданиям Вагнера и Риббека.³

Объяснения к переводу берусь составить и вполне разделяю Ваше мнение, что объяснения к переводу должны быть «самонужнейшие».

Кроме того, придется предпослать введение о жизни и произведениях Виргилия, а также изложение содержания отдельных книг. И это, если пожелаете, возьму на себя.

Что касается до *внешней стороны* издания, то я позволю высказать себе пожелание, чтобы оно явилось in 8 minog. в двух томах, первый до VI книги включ<ительно>, второй — остальные 6 книг. В данном случае нам необходимо следовать изящным изданиям западников, переводную книгу которых легко держать в руке, даже левой. В нашей же публике, интересующейся классицизмом, в публике, к которой в значительной мере применимо изречение «für die Jugend ist das Beste eben gut genug»,^a — форма издания нередко способствует популяризации самого труда, а разделение на 2 части важно в том, что доступнее могли бы покупать и учащиеся, которым нужен тот либо другой отдел.

На приложении текста я бы не настаивал, но указанную мною форму и разделение издания было бы *весьма желательно* сохранить. Шрифт тоже следовало бы взять более мелкий, чем в остальных Ваших изданиях.

С удовольствием буду ожидать присылки первой песни, к разъяснению которой толкованиями и в отношении перевода постараюсь приступить в первую свободную минуту. На могущие последовать от Вас запросы готов всегда отвечать немедленно.

Примите, высокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, уверение в глубоком к Вам уважении

Вашего покорнейшего слуги

Д. Нагуевского.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 1–2.

¹ Имеется в виду берлинское комментированное издание «Энеиды» в двух томах: Vergil's Gedichte. Erklart von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII.

² Речь идет об издании: Vergil's Gedichte. Erklart von Th. Ladewig. Berlin, 1881. Bd 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper. Это трехтомное издание, первый том которого составили «Буколики» и «Георгики» Виргилия (1860), а два последующих были отведены «Энеиде» (1871), имелось в библиотеке Нагуевского. В настоящее время оно хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета (см.: Алмазова. С. 300). Фет пользовался изданием Ладевига 1881 г., изданного под редакцией К. Шапера.

^a «для юности даже самое лучшее едва ли достаточно хорошо» (нем.).

³ Имеются в виду: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poete narrationem. Lipsiae, 1859 (только латинский текст, без комментариев); *Wagner Ph. Vergil's Gedichte*. Leipzig, 1830–1841. Bd 1–5.

3

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

31 марта 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

31 марта.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Дозвольте болезненному старику вместо всяческих излишних мысленно дружески пожать Вашу руку не потому только, что она для меня рука помощи, а потому что это, слава Богу, рука русского ученого, горячо сочувствующего своей специальности. Мы до этого, увы! так далеко недоросли. Нечего Вам объяснять, что мои классические переводы даже не окупают своих изданий. Но я работаю не для прибыли, не для известности, для крыльев которой у меня еще надолго не будет надлежащей атмосферы. Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет напечатано: «текст проверен и примечания написаны ординарным профессором Д. И. Нагуевским» — этот заглавный листок заменит для книги всякую похвалу критики.

При обращении к делу приходится сказать на первый раз так много, что прибегаю к пунктам.

1. Самый перевод служит для ученого указанием образа понимания оригинала переводчиком, и следовательно примечания необходимы только для непосвященных, которые без них местами ничего бы не поняли. Поэтому, объясняя например прозвище Циллений, нет никакой надобности испещрять, подобно Schaper'у, примечания ссылками на длинные выражения «Илиады» и «Одиссеи». На этом же самом основании, как бы ни вопил глубокоуважаемый граф Олсуфьев, ни за что не приму в наше издание, нимало не подспоряющего дела оригинала,¹ представляющего во всех отношениях только тормозящий груз, тогда как всякий может в стереотипном издании приобрести его за двугри-
венный.

2. Работая, при плачевной слабости зрения, с возможным напряжением внимания, но между тем безостановочно по урокам, в размере пя-

тидесяти стихов в день, я ни за что не подвергну нашей «Энеиды» тем усложнениям и дерганьям самого оригинала, а следовательно и перевода и примечаний в самую минуту печатания, каким подвергался мой Овидий.

3. Поэтому я убедительно прошу Вас сначала беспощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, которого она ни сбросить, ни проглотить не в силах. Вспомните, что мои ноги, или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гексаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима. Загляните, хоть мельком, в академический перевод Nisard'a: там Вы найдете среди всевозможных отступлений от буквы текста и такие диковинки, как «(в книге II, ст. 99): et quaerere conscius arma, т. е. зная за собой вину, — de chercher des armes et un complice à sa haine;^а и (в книге III, ст. 239): dat signum Misenus ab alta Aere cavo,² т. е. знак Мизен падает с холма высокого полой медью, — Misène, du haut d'un roc où je l'ai posté, sonne de la trompette;^б (кн. III, ст. 309): Labitur, et longo vix tandem tempore fatur, т. е. зашаталась и, лишь промедливши еле, сказала, — enfin, ayant recouvré ses esprits, elle me parla ainsi.^в (Кн. IV, ст. 104): Liceat Phrigio servire marito dotalisque tuae Tyrios permittere dextrae, т. е. пускай уж она фригийскому служит супругу, и тирийцев отдаст тебе как приданое в руки, вместо soumette à un époux phrighien, et que les Tyriens soient la dot qu'il reçoit de vos mains»,^г — и это все в прозе, где ничто не стесняет переводчика, кроме правильного понимания текста!³

4. Перехожу к наиболее практическому способу исправлений перевода: в случае замеченного Вами желательного исправления, Вам достаточно (как это делал граф Олсуфьев) подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать над ними желаемый Вами перевод. Для этого, мне кажется, не нужно бы было пересылать всей обузы застрахованной песни, которую я (при операции страховки) даже не могу прямо,

^а искать оружие и соучастника своей ненависти (франц.).

^б Мизен, с высоты скалы, куда я его поставил, трубит в трубу (франц.).

^в наконец, придя в себя, она сказала мне так (франц.).

^г подчиниться фригийскому супругу, и пусть тирийцы будут придаными, которое он получит из ваших рук (франц.).

за неимением почтовой конторы, получать на станции Коренная Пустынь,⁴ а должен с потерей времени и усилий получать по предварительному объявлению из Курской почтовой конторы. Потому, раз что Вы карандашом сделаете надлежащие отметки над стихами прилагаемого при сем текста перевода, то, поручив переписку последовательных стихов с Вашими отметками толковому переписчику за известное вознаграждение, Вы без всякого страха можете высылать их простым письмом по моему адресу на станцию Коренная Пустынь, ибо в крайнем случае (весьма невероятном) утраты письма, переписчик всегда может возобновить список. Я же со своей стороны, исправляя стихи, буду пересылать поправки под цифрами на Ваше благоусмотрение. Само собою разумеется, что, не желая сверх драгоценного труда Вашего, вводить Вас в материальные издержки, я по мере указаний Ваших буду восполнять свой долг с первою отходящею почтою. Полагаю, что удобнее всего и для Вас, и для меня это будет при окончании всех поправок.

5. Что касается необходимой краткой «Жизни» Виргилия или самого предисловия в книге, то нет никакой необходимости, равно как и самих примечаний, в высылке всего этого раньше октября месяца, т. е. приезда моего, если доживу, в Москву, к самому печатанию книги, форма которой, я совершенно согласен, должна быть сходна с изданием Scharrer'a, т. е. в двух томиках.

6. Теперь еще одна и последняя усердная просьба: Не откажите в нескольких выражениях общего впечатления, которое произведет на Вас присланный мною перевод первой книги «Энеиды». Не могу в этом отношении ожидать ничего, кроме сущей правды, хотя и самое горькое мало поможет моей беде, ибо я, так сказать, в струнку вытягиваю свои силы.⁵

А теперь, многуважаемый Дарий Ильич, примите искренние выражения^а глубочайшего уважения Вашего будущего ученика

А. Шеншина.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 7–9 об.

¹ В рецензии на Ювенала в переводе Фета А. В. Олсуфьев заметил: «Следует сожалеть только об одном — что почтенный переводчик не представил своего перевода рядом с подлинником (texte en regard)» (*Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета. СПб., 1886. С. 4). Олсуфьеву Фет писал 29 апреля 1887 г., что Нагуевский «советует издать перевод (Вергилия. — С. И.) совершенно по образцу Ladewig'a,

^а Далее рукой А. А. Фета.

то есть в двух томиках при наименьшем количестве примечаний и, конечно, без латинского текста. Нельзя отрицать, что издание рядом с текстом имеет в свою пользу немало доводов и что после роскошного в этом отношении издания „Превращений“ может возбудить в некоторых читателях смущение при виде отступлений от этой формы <...>. Считаю в предисловии необходимым высказать причины, заставляющие меня отказаться от такой роскоши. При этом мне придется поневоле оспаривать Ваше мнение, на что заранее испрашиваю Вашего разрешения <...>» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 234–235).

В Предисловии от переводчика Фет писал: «Мы не думаем возражать многоуважаемому бывшему сотруднику нашему при издании Овидиевых „Превращений“ гр. Ал. В. Олсуфьеву по поводу его идеала издания классического перевода. Согласно такому идеалу, перевод с самого совершенного в критическом отношении текста должен быть снабжен, с одной стороны, текстом оригинала, а с другой — объяснениями, не оставшими от принятых переводчиком исправлений текста. Конечно, такую форму издания можно по справедливости назвать идеальной, но едва ли справедливо требовать такой формы от человека, который <...> должен был с величайшим напряжением посвятить все свое время одним переводам там, где, с нашей точки зрения, до данной минуты ничего не существовало» (*Энеида*. Ч. 1. С. VII).

² *Правильно*: dat signum specula Misenus ab alta Aere cavo.

³ См.: Collection des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de m. Nisard, maître de conférences à l'école normale: Lucrèce, Virgile, Valérius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843. P. 247, 267, 268, 279. Французский перевод Низара дан прозой. В предисловии Фет пишет о нем: «Что такое прозою переведенный поэт? <...> ставши буквальным в порядке последовательности слов, такой перевод станет совершенно непонятным. Вот почему академический перевод Низара в прозе, невзирая на видимое (далеко не всегда точное) знакомство с делом, вынужден прибегать к перифразам, в которых подчас трудно узнать самый оригинал» (*Энеида*. Ч. 1. С. IV).

⁴ Имение Фета Воробьевка находилось рядом со станцией *Коренная Пустынь* Московско-Курской железной дороги. Коренная пустынь — название находящегося неподалеку от Воробьевки известного монастыря. С 1878 по 1892 гг. Фет примерно с марта по октябрь неизменно проживал в Воробьевке.

⁵ Ответное письмо Нагуевского неизвестно, о нем как о втором говорится в следующем письме Фета, а также в письме к Олсуфьеву от 29 апреля: «Вчера (т. е. 28 апреля. — *С. И.*) я получил его ответ вместе с немногочисленными указаниями мест, подлежащих исправлению. <...> Приятно было мне видеть, что Нагуевский доволен не только точностью перевода, но и общим течением, как он выражается, эпической речи. Но что обрадовало меня не менее, то это полное совпадение его желаний с моими насчет внешнего вида издания» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 234).

4

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

30 апреля 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

30 апреля.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

При болезненном состоянии, подавленный в настоящую минуту самыми разнообразными трудами и заботами и в то же время уважая и Ваши досуги, ограничиваюсь самыми необходимыми замечаниями.

Все драгоценные замечания Ваши, как в первом письме, так и во втором, привели к исправлению текста, за весьма немногими ничтожными исключениями. Другие же вроде (ст. 97) Эгионских вместо Илионских, (ст. 120) Илиония вместо Илионея и (ст. 714) Финикиянка через фиту — простые описки.¹ Зато, к крайнему сожалению, чтения Кинфа,^а Клоанфа, Киферы вместо Цинта, Клоанта и Цитеры я, не впадая в явное противоречие с латинским чтением греческих имен, которого держался до сих пор во всех моих переводах, — я принять не могу.² Вместе с сим посылкою пересылаю Вам четыре следующих^б книги.³

Как ни нежелательны излишние примечания, но непосредственное чувство само укажет Вам те места, где, невзирая на точный и ясный перевод, читатель-неспециалист не поймет ничего без объяснения.^в

Примите выражения глубочайшего почтения и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 10–10 об.

¹ Речь идет о стихах первой книги. *Илионей* — герой «Илиады» который у Гомера погибает, а у Вергилия остается в живых.

² *Цинт* / *Кинф* (греч. Cynth) — гора на о. Делос; *Клоант* / *Клоанф* (греч. Kloanth) — имя героя; *Цитера* / *Кифера* (греч. Cithera) — остров, лежащий к югу от Пелопоннеса против мыса Малея, центр культа Венеры со знаменитым святилищем богини. *Цитерея* (Киферея) — одно из имен Венеры, по названию острова, на

^а Далее зачеркнуто: Клоары

^б Далее зачеркнуто: песни

^в Далее рукой А. А. Фета.

который она вышла, появившись из пены морской. В переводе сохранено написание, предложенное Фетом: Цитерея (см.: Кн. I, 257).

³ Имеются в виду книги «Энеиды» со второй по пятую включительно. В письме к гр. Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г., т. е. за день до этого письма, Фет сообщает: «С приезда в деревню я по нездоровью еще ни разу не выходил на воздух, что не помешало мне добраться до конца пятой книги „Энеиды“ и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 234).

5

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

30 мая 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Мая 30. 1887.

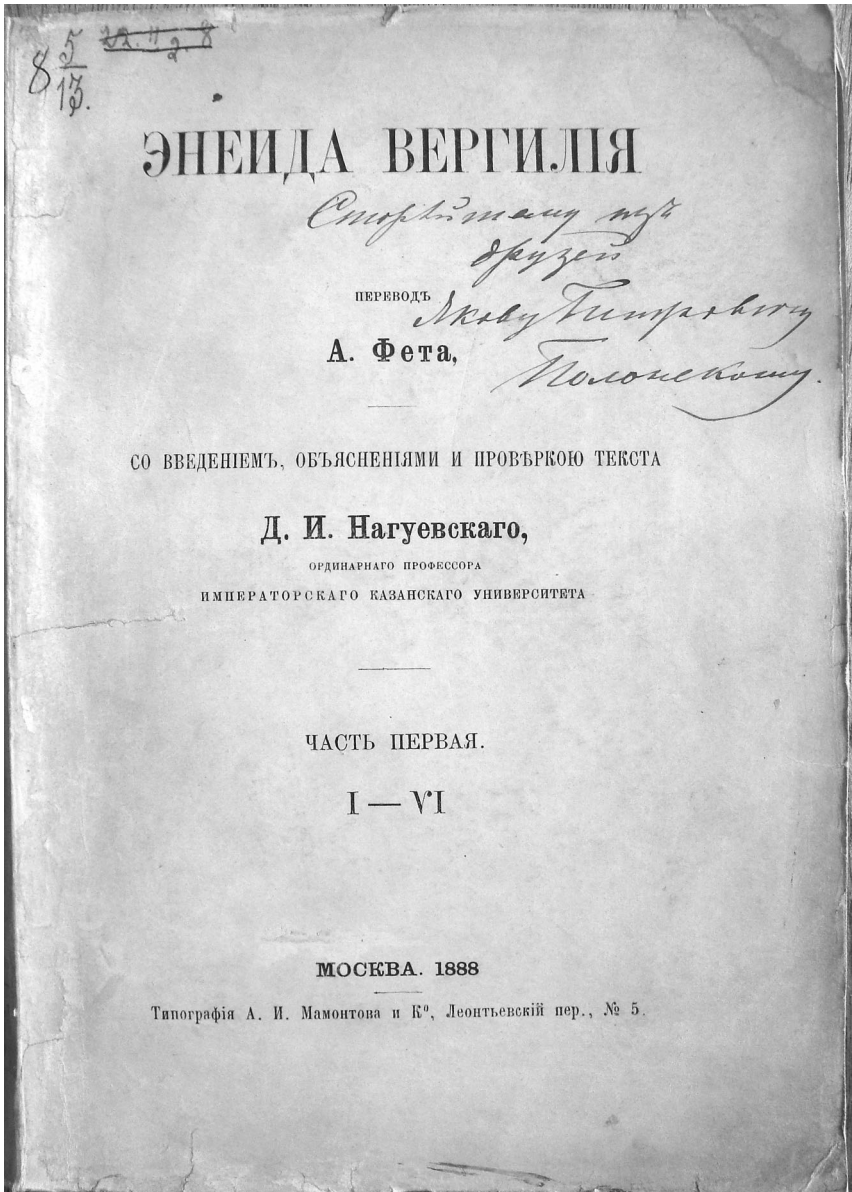
Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Пишу эти строки, согласно указанию Вашему,¹ по новому адресу, с облегченной душой, зная наперед, что через два-три дня письмо это будет у Вас в руках.

Вторая книга уже исправлена по дорогим указаниям Вашим, и если бы дело шло так, как оно сложилось в Вашем воображении, то мне бы следовало, щадя Ваше драгоценное время, заключить мои слова живейшей признательностью. Но некоторые из ряда вон выходящие условия вынуждают меня возможно кратко и ясно изложить Вам настоящее положение дела.

Мучительная одышка, повергающая меня каждую ночь в смертельную истому, мало-помалу захватывает у меня и часы дня, так что, невзирая ни на какие сторонние надежды на мою дальнейшую деятельность, я вынужден, во-первых, торопиться и, проживая ежегодно в Москве лишь с 1-го октября по 1-е марта, воспользоваться последним предстоящим зимним сезоном, чтобы покончить печатание всех моих работ; а во-вторых, не предпринимать никаких новых, за исключением, быть может, диктования в свободные от недуга минуты мемуаров.²

Таким образом, мне предстоит нынешней осенью печатание 1) пятидесяти моих неизданных стихотворений,³ 2) перевода Персия,⁴ при издании которого Ваша о нем книга⁵ мне может быть драгоценным подспорьем, 3) «Элегий» Проперция, готовых к печати,⁶ и наконец 4) — нашего Виргилия, доведенного в настоящее время до девятой песни.

Обложка перевода первой части «Энеиды» Вергилия (М., 1888)
с дарственной надписью Я. П. Полонскому

Предисловіе.

Приступая къ новому изданію классика въ переводѣ и въ данной типографской формѣ, мы могли бы перейти послѣднюю молчаніемъ, какъ безразличную; но нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ насъ на объясненія по этому вопросу. Мы одинаково погрѣшили бы противъ истины, заявляя съ одной стороны, что наши переводы имѣютъ рыночный успѣхъ, а съ другой, что они ни въ комъ не возбуждаютъ никакого сочувствія. Правда, сочувственный кругъ пока чрезвычайно тѣсенъ, но зато онъ состоитъ исключительно изъ людей высоко образованныхъ и потому его горячимъ сочувствіемъ мы дорожимъ несравненно болѣе, чѣмъ современнымъ рыночнымъ успѣхомъ.

Мы не разъ имѣли случай выражать нашу искреннюю признательность періодическимъ изданіямъ, благосклонно указавшимъ на посильный трудъ нашъ. Бѣльшаго нельзя ожидать со стороны періодическаго изданія, относиться же критически къ нашимъ трудамъ можно только при добросовѣстномъ изученіи оригинала, прослѣдя самый переводъ изъ строки въ строку, т. е. предпринимая трудъ, почти равносильный нашему и быть можетъ болѣе почтенный, такъ какъ на наши глаза менѣе привлекательный. Подобно тому, какъ у истиннаго, хотя бы и пожилаго, охотника сердце радостно и пугливо вздрагиваетъ каждый разъ при взлетѣ птицы, всегда

1*

В моем предисловии я напечатаю, что я всегда брался тщательно переводить классиков по известным мне наилучшим толкованиям, но никогда не считал своим призванием писать примечания или жизнеописание. Это, так сказать, мой подарок, а даровому коню в зубы не смотрят.⁷ После этого понятно, с одной стороны, до какой степени я высоко ставлю значение Ваших примечаний и жизнеописания *Виргилия*, написанных рукой специалиста. Конечно, если бы мое здоровье и условия труда находились в нормальном положении, я бы с признательностью выжидал Вашей помощи в размерах, какие Вам угодно бы было ей придать. Но так как плачевное состояние моего здоровья представляет вращательную точку всего дела, то я вынужден обратиться к Вам за разрешением возникающего недоумения. Печатать в Москве книги даже при одних типографских условиях можно только до 20-го декабря, так как затем до половины января непрерывные праздники мешают делу. Я очень счастлив, что Вы разделяете мой взгляд насчет краткости примечаний, но что же я буду делать, если Ваши жизнеописание и примечания только шести первых книг будут закончены лишь к 17 октября? Не разрешите ли Вы мне в таком случае оговорить в первом томе что^a примечания в нем продукт Вашего труда, а затем, ввиду невозможности поступить иначе, издать второй том с примечаниями собственного изделия, которые я берусь составить в течение двух недель? *Dixi et animam salvavi.*⁶

Только ввиду таких вопросов не посылаю Вам в настоящее время набело переписанных шестой и седьмой книг и буду, во всяком случае, ждать Вашего распоряжения.⁸

С глубочайшим почтением и признательностью Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 11–12 об.

¹ Это письмо Нагуевского неизвестно.

² Работа над мемуарами началась летом 1887 г. Первые главы были опубликованы в «Русском вестнике» (см.: *Фет А. Из моих воспоминаний // РВ. 1888. Т. 197. Август. С. 3–56; 1889. Т. 203. Июль. С. 131–173*). Полностью мемуары Фета вышли позже, см.: *Фет А. А. Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.*

^a Далее зачеркнуто: он

⁶ Сказал и тем спас душу (лат.).

⁸ Далее рукой А. А. Фета.

³ Речь идет о третьем выпуске сборника «Вечерние огни» (М., 1888; цензурное разрешение 18 ноября 1887 г.), в котором помещены 62 стихотворения.

⁴ Имеется в виду издание «Сатир» Персия в переводе Фета (СПб., 1889).

⁵ Книги Нагуевского о Персии обнаружить не удалось.

⁶ Речь идет об издании «Элегий» Секста Проперция в переводе Фета, вышедшем в Петербурге в 1888 г.

⁷ В Предисловии к «Энеиде» Фет подробно остановился на внешней форме издания, в частности, на вопросе о помещении рядом с текстом перевода «объяснений», которые не отставали бы «от принятых переводчиком исправлений текста» (*Энеида*. Ч. 1. С. VII). Исходя из того, что источник подобных исправлений является очевидным для ученых-специалистов и знатоков, а для «обыкновенных читателей» — совершенно излишним, Фет заключает: «Что же может в оправдание свое сказать переводчик, кроме пословицы: „даровому коню в зубы не смотрят“? Писать примечания в разгар самого перевода так же невозможно, как возить на рынок сено во время спешного сенокоса, а разыскивать по окончании перевода все места уклонений от данного текста — значит предпринимать отдельный значительный труд, требующий немалого времени» (Там же. С. VIII).

6

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

18 июня 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

18 июня 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Не нахожу слов благодарить Вас за отрадное намерение Ваше¹ украсить перевод «Энеиды» орнаментом, какого он, быть может, и не заслуживает. Во всяком случае «Энеиде» с этой стороны выпадает завидная доля перед всеми моими переводами.

Вторая книга в настоящее время окончательно исправлена по Вашим указаниям, между которыми капитальнейшим является относящееся к 236^a стиху.² Что же касается до 477-го стиха, то встреча в русском экзаметре таких слов, как оруженосец и Автомедонт, представляет непреодолимое препятствие и я только переделал *преданный* на *спутник*.³

Вместе с сим прилагаю шестую, седьмую и восьмую книги, а девятую и следующие, вероятно, согласно Вашему распоряжению, придется уже выслать в августе в Казань.

---

^a Далее зачеркнуто: 7

Если же догадка моя неверна, то благоволите изменить дело, уведомив меня о том. Так как раньше первого октября я в Москве не буду, то, во избежание многократных хлопот, всего удобнее было бы к первому октябрю выслать готовые примечания и жизнь по неизменному нашему московскому адресу: Плющиха, собственный дом.⁶

Искренно уважающий Вас и признательный

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 13–13 об.

¹ Это письмо Нагуевского неизвестно.

² Речь идет о следующих стихах: «Все за дело взялись и поддвигают колеса / Под ноги, чтобы катить и тянуть шею веревки / Из пеньки» (II, 235–237), откомментированных Нагуевским следующим образом: «Привязав веревку к шее коня, они тащат его» (*Энеида*. Ч. 1. С. 44).

³ В переводе: «Спутник Автомедонт и вся молодежь из Скироса» (Кн. II, 477).

7

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

24 июня 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

24 июня 1887.^a

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Сердечно благодарю Вас за письмо от 18 июня¹ и сообщение об успешном ходе работы. Ваши примечания, помимо пользы делу, приводят меня в эстетический восторг. Чувствуешь над собою могучее веяние крыльев Дедала, до мельчайших подробностей владеющего своим искусством.² Чего стоит замечание о эффектной замене дактиля спондеем на двести десятом стихе!³ Тут прибавлять нечего. Ни одно из Ваших замечаний не ломает работы несчастного раба переводчика, которому порой приходится плохо. Все по возможности уже с глубочайшей признательностью исправлено. Даже простые описки, как: Цэлана, Эгейский, Олиара, Камерина, Аркагант, на радостный берег. 443-й ст<их>:

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

^a Под датой, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского синим карандашом отмечено: «3 кн. ст. 443».

не справившись со словом *furens* — восторженный, я поставил *кипящую*. Но у меня в трех изданиях стоит не *furentem*, а *insanam*, что не изменяет смысла.⁴

Буду ждать Ваших дальнейших распоряжений.⁶

С глубочайшей признательностью и почтением. Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 14–14 об.

¹ Это письмо Нагуевского неизвестно. Судя по указанной Фетом дате: «18 июня», Нагуевский отвечал на письмо Фета от 30 мая.

² *Дедал* — в греческой мифологии искусный архитектор и скульптор. Сконструировал крылья, благодаря которым вместе с сыном Икаром улетел с острова Крит, спасаясь от царя Миноса.

³ Вероятно, по замечанию Нагуевского, Фет заменяет дактили (трехсложная стопа: долгий, два кратких), из которых состоит гекзаметр, на спондей (двусложная стопа: два долгих): «Как я спасся из волн, берега Строфады восприяли / Первым меня, стоят по прозванию греков Строфады, / На Ионийских водах...» (III, 209–211).

⁴ В окончательном тексте: «Ярую вещь ты узришь, что судьбы изрекает» (III, 443). В комментариях Нагуевского отмечено: «Ярую, восторженную» (С. 113). *Insanus* — неистовый, яростный, восторженный, иступленный; *furens* — яростный, бешеный, иступленный.

8

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

2 июля 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

2 июля 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Четвертая книга^а согласно драгоценным указаниям Вашим в настоящее время исправлена до мельчайших подробностей, оказавшихся опечатками, отсутствующими в остающемся у меня экземпляре. При этом решаюсь представить Вам следующие две поправки.

---

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

^а Подчеркнуто синим карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.

Ст<их> 121. Дело военное, а тем более охотничье, в сущности весьма мало подвинулось вперед с древнейших времен. Вашу заметкою Вы заставили меня с большею ясностью всмотреться в смысл этого стиха. Я перевел первоначально *alae* словом *кричан*, которым на охотничьем языке называется вся шумящая цепь загонщиков, проходящая лесом по направлению к рассыпанным, т. е. повешенным на кустарниках тенетам, к которым по недостаточности их долготы с обоих боков представляются подобные же сети, именуемые и до сих пор у охотников крыльями, а когда настоящих таких крыльев нет, то вместо их привязываются веревки с подвесками из разноцветных лоскутьев, мочал и перьев, что неоднократно я сам видал на охотах с тенетами и о чем говорится в словаре Люнемана под словом *alae*^б — *die Federlappen, die bei der Umstellung eines Waldes angebracht werden*^в (Virg. Aen. 4, 121).¹ Следовательно, как раз указано наше место, в котором Virgilий очевидно говорит не о погонщиках и тем менее конных, которых в лесу быть не может, а о прямо противоположной линии совершенно готовых к восприятию зверей тенет. Поэтому нельзя согласиться с толкованиями Ladewig'a, превращающего Энея и Дидону с их провожатыми в *alae*^г — легиона или эскадрона, т. е. в чернорабочий кричан, тогда как на охоте, в их удовольствие происходящей, им следует наслаждаться зрелищем попадающих в тенета зверей, а не загонять зверей, ничего не видя, для кого-то. Итак, если бы я переводил прозой, то перевел бы: *пока дрожат (трепещут) крылья и рошу тенетами окружают*; и согласно этому предлагаю стих по исправлению: «*как по крылам зашумит и тенетами рошу обступят*».

Ст<их> 244. Исправлен так:

*Сон дает и берет (и мертвым глаза разверзает.)*²

Ст<их> 614. У Ladewig'a, текста которого я держусь, стих кончается не *hic terminus esto*, а *hic terminus haeret*, и потому я перевожу: *И Зевеса судьбы так велят, здесь предел остается*.³

Ст<их> 611. В исправленном виде теперь так: *Это приявши, на злых заслуженную месть обратите*.^{д, 4}

С глубоким почтением и признательностью Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

^б крылья (лат.), зд.: сети.

^в сети, которые вешаются при огораживании леса (нем.).

^г крылья (лат.), зд.: фланги войска.

^д Далее рукой А. А. Фета.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 15–16 об.

¹ У Вергилия: «dum trepidant alae saltusque indagine cingunt». В окончательном тексте фетовского перевода: «Как по крылам зашумят, тенетами рошу обступят» (IV, 121). См.: *Lünemann G. H. Lateinisch-deutsches und deutsch-lateinisches Handwörterbuch*. Leipzig, 1831. Bd 1–2. Стб. 132.

² В окончательном тексте: «Сон дает и берет, и мертвым глаза разверзает» (IV, 244).

³ Наегёге — пребывать, оставаться. В окончательном тексте: «И Зевеса судьбы так велят, предел тут положен» (IV, 614).

⁴ Так же в окончательном тексте.

9

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

20 июля 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Июля 20. 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Перевод пятой книги^а добросовестно исправлен согласно драгоценным указаниям Вашим.¹

Ст<их> 733, наделавший мне при переводе столько хлопот, согласно указанию Вашему, наконец исправлен следующим образом:

«Сын, ко мне поспешай. Ведь не в Тартаре я нечестивом,
Иль средь печальных теней, а я обитаю Элизий».²

Ближе этого я перевести не в силах. Через месяц думаю кончить «Энеиду», так как нахожусь на трехсотом стихе двенадцатой книги³ и буду ожидать Ваших распоряжений касательно высылки дальнейших книг.⁶

С глубочайшим почтением и признательностью Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 17–17 об.

---

^а Слова «пятой книги» подчеркнуты синим карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

¹ Письмо Нагуевского, на которое отвечает Фет, неизвестно.

² В таком виде перевод этого стиха сохранен в окончательном тексте (см.: V, 733–734).

³ 4 августа 1887 г. Фет пишет Олсуфьеву: «В настоящее время мне остается перевести в „Энеиде“ двести стихов, и что касается до Нагуевского, то не знаю, как и благодарить его за его участие в деле» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 236), то есть за две недели Фет перевел 450 стихов двенадцатой книги, приблизительно по 30 стихов в день, что не противоречит признаниям в воспоминаниях о работе над переводом Горация: его работоспособность была «по 30, 40 и даже 50 стихов» за день, до четырех часов (см. *МВ*. Ч. 2. С. 389).

10

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

10 августа 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Августа 10, 1887.^a

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Заранее горжусь и радуюсь увидеть посильный перевод «Энеиды» в мастерской и капитальной рамке, которую Вам угодно было ему придать. Обо всем этом будет сказано в моем предисловии,¹ и я вполне разделяю основную мысль Вашу, в которой мы встретились еще до нашего сотрудничества, что сколько-нибудь порядочный перевод «Энеиды» составляет насущную потребность нашей литературы, которая, по словам одного моего приятеля, порою напоминает человека в щегольской шляпе, перчатках и глянцевах ботинках с *rinse-nez*^b на носу, но затем без малейшего признака одежды.

Я писал уже Вам, что издание «Энеиды», Проперция² и Персия³ в начале нынешней зимы будет Геркулесовыми столпами моей переводческой деятельности. Потому ли, что силы мои убавляются в геометрической прогрессии или по чему иному, но только *благочестивый Эней*,⁴ которого я собирался перевести забавляясь, заставил меня потрудиться весьма серьезно. В настоящую минуту и остальные четыре книги переведены окончательно и проверены и выправлены до последней возмож-

---

^a Под датой, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского отмечено синим карандашом: «Virg.».

^b пенсне (*франц.*).

ности, так что всякая затем неточность — только свидетельство бес-
силы.

Шестая книга уже исправлена по драгоценным указаниям Вашим
таким образом:

22. ...и стоит при вынутых жребиях урна.
23. Вставши из моря земля...
53. Дом вдохновенный свой зев великий разверзнет, так молвя...
121. Поставил *Поллукс*, хотя в словаре Леонтьева он — *Поллук*.⁵
150. Горе! не ведаешь ты...
213. Плакали временем тем над Мизеном у берега Тевкры,
Неблагодарному честь воздавая последнюю праху.⁶
221. И одеяньем кладут знакомым...
304. Он уж старик, но черства и цветуща...⁷
412. Разогнал и очистил корму, и в лодку Энея
Принял огромного...⁸
432. Урну Минос судия сотрясает...
484. Держась одного издания *Ladewig'a*, в котором стоит *Polyphoe-*
ten, оставляю *Полифет*.
588. Через Грайев народ и чрез город срединной Элиды.
729. Очень рад, что Вы разрешаете — *мраморной*, которой мне так
было жаль.⁹
825. С грозной секирой и на отбившего стяги...
Ввиду приближающегося 23-го августа приходится ожидать Ваших
распоряжений уже из Казани.^в
С глубоким уважением и признательностью имею честь быть Ва-
шим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 18–19 об.

¹ В Предисловии Фета о комментаторском вкладе Нагуевского говорится сле-
дующее: «...принимая на себя полную ответственность за перевод текста, отказы-
ваемся от таковой по отношению к безукоризненности примечаний, говорим мы
это о всех примечаниях к нашим переводам вообще, но в данном случае всякая ого-
ворка излишня, так как, по особенно любезному участию к нашему труду, приме-
чания и самое введение к „Энеиде“ написаны рукою специалиста, профессора
Д. И. Нагуевского» (*Энеида*. Ч. 1. С. IX–X).

² См. письмо 1, примеч. 6.

³ См. примеч. 4 к письму 5.

^в Далее рукой А. А. Фета.

⁴ Главная черта характера Энея отмечена Вергилием в эпитете *pius* (благочестивый, набожный), который он постоянно употребляет, характеризуя своего героя.

⁵ Имеется в виду *Павел Михайлович Леонтьев* (1822–1874) — филолог-классик, профессор Московского университета, с 1865 г. — издатель «Московских ведомостей» (совместно с М. Н. Катковым). Под «лексиконом» подразумевается вспомогательный словарь в книге «Библиотека греческих и латинских писателей» (М., 1867. Т. 1). Речь, возможно, идет о книге: Полный латинский словарь, составленный по современным латинским словарям <А. Ф. >Ананьевым, Яснецким и Лебединским. <Изд. П. М. Леонтьева>. М., 1862. С. 638. На титуле имя Леонтьева отсутствует, поэтому, скорее всего, имеется в виду: Сокращенный латинский словарь Ананьева, Яснецкого и Лебединского. Изданный П. М. Леонтьевым. 2-е изд., пересмотр. М., 1883. С. 799 (далее: *Словарь Леонтьева*): *Pollux, ūis* — *Поллукс*, сын Тиндарея и Леды, брат Кастора. В отличие от любимого брата, Поллукс был бессмертным, поэтому, когда Кастор умер, Юпитер разрешил им проводить один день на Олимпе, другой в Тартаре.

В окончательном тексте: «Если брата Поллукс искупил переменною смертию» (Кн. VI, 121).

⁶ Это стихи 212–213, а не 213, как указано у Фета (кн. VI).

⁷ В окончательном тексте: «Он уж старик, но крепка и цветуща старость у бога» (VI, 304).

⁸ В окончательном тексте: «Разогнал и корму очистил и в лодку Энея / Принял огромного <...>» (Кн. VI, 412–413).

⁹ В тексте: «И чудовищ, что понт под мраморной носит пучиной» (Кн. VI, 729).

11

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

25 августа 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

25 августа 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Жизнеописание Ювенала, присылкою которого Вам угодно было почтить меня,¹ доставило в то же время мне возможность как бы предвкусить жизнеописание Вергилия.² В моем предисловии я прямо умываю руки по поводу филологических работ, связанных с добросовестным переводом, и что бы мы, переводчики классиков, ни делали, всякий видит, что филология для нас только подмазка маслом сковороды, без которой блин пристанет, а не свежее масло, сдабривающее окончательно испеченный блин. Поэтому в Вашем жизнеописании всякий увидит самобытного хозяина, а в моих — нищего, набивающего свой

мешок чужими объедками. Предполагаю, что жизнеописание Вергилия, исходя, так сказать, догматически от Вас, хотя бы и с указанием главнейших точек опор, будет еще сжатее, так как будет лишено полемического характера.³

Торопиться Вам с высылкою примечаний и жизнеописания к первому тому нет основания, так как раньше 1-го октября я в Москве не буду и конечно тотчас же приступлю к напечатанию первого тома. Поэтому прошу Вас о высылке тетрадей (Москва, Плющиха, собств<енный> дом) не ранее 25 сентября. Если же без особого для себя стеснения можете выслать рукопись ранее 15-го, то получение оной меня не стеснит, так как с недавних пор у нас на станции Коренная Пустынь открыто формальное почтовое отделение.

В подтверждение дилетантизма моей филологии вынужден прибегнуть к Вашей помощи в следующем деле.

Для издания сборника моих стихотворений мне необходимо привести стих: «Habent sua fata libelli».^{а, 4} Так как мною переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мною переведен; тем не менее, несмотря на все мое старание, я не мог его нигде разыскать и прошу Вас великодушно указать мне его надлежащее место, указав, конечно, и автора.

Во исполнение желания Вашего предлагаю, во-первых, перевод двустихия

Mantua me genuit...^б

«Мантуею порожден, Калабрами *схвачен* (взыскан), живу я
В Партенопе, я пел пастбища, села, вождей».^в

Во избежание резкости представления на русском языке, решаюсь предложить вместо не совсем точного, но необычайного *схвачен* еще менее точное, но совершенно русское *взыскан*, если Вы не предпочтете третьего выражения *принять*, которое, по-моему, дальше всех, так как переводит мощное действие Калабр, выражаемое словом *rapere*,^в в совершенно пассивное.^б

Равным образом после долгого и оживленного спора с двумя приятелями касательно перевода слова *Parthenope*, которое мною переведено, согласно лексикону Леонтьева,⁷ тем самым именем, которое стоит у Вергилия и тождественно с именем нимфы, сообщившей это имя месту, тогда как противники уверяли, что принято обзывать Неаполь

^а «Книги имеют свою судьбу» (лат.).

^б Букв.: Мантуя меня родила... (лат.).

^в *rapere* — похищать, грабить, отнимать силой, присваивать (лат.).

Партенопеею, но почему — никто не говорит, тогда как ничто не мешало Вергилию поставить излишнюю реиa. Я полагаю, что наша теперешняя обязанность восстанавливать правильное, а не увлекаться неправильным, хотя бы и рутинным.

Предлагаю Вам перевод Проперция II, 34, 65, как он состоит в моем переводном тексте:

«Прочь^г вы римские все^а писатели, прочь вы и греки:
Большее нечто растет и Илиады самой».⁸

Зная, что у Вас на первое время еще седьмая и восьмая книги «Энеиды», со спокойным духом вышлю остальные четыре книги в Казань в первых числах сентября.^е

С глубочайшим уважением и признательностью предан Вам

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 22–24.

¹ Вместе с письмом (неизв.) Нагуевский выслал свою книгу: О жизнеописании Ювенала. Исследование Д. И. Нагуевского, орд. проф. имп. Казанского университета. 2-е изд., доп. Казань, 1887.

² Жизнеописание Вергилия, составленное Нагуевским, вошло в его «Введение» к изданию перевода (*Энеида*. Ч. 1. С. XIII–XXVIII).

³ Введение Нагуевского не носило полемического характера, за исключением нелицеприятного отзыва о «жалкой обработке» И. Соснецкого (*Энеида*. Ч. 1. С. XXVII).

⁴ Усеченный стих древнеримского грамматика Теренциана Мавра. В это время Фет готовил к печати третий выпуск «Вечерних огней» и использовал этот стих в качестве эпиграфа к своему Предисловию. См. также письмо 15 и примеч. 2 и 3 к нему.

⁵ По легенде, слова эти — эпитафия на могиле Вергилия — сочинены самим поэтом. См. Введение Нагуевского: *Энеида*. Ч. 1. С. XVI. Здесь же, в подстрочном примечании, приведен фетовский перевод этой эпитафии.

⁶ Ср. у Нагуевского: «Мантуею порожден, Калабрами схвачен, живу я / В Партенопе, я пел пастбища, села, вождей» (Там же).

⁷ У Леонтьева: Parthenope, es — Партенопа, одна из сирен. С досады, что Улисс ушел от них, она бросилась в море и была выброшена на сушу на месте, где находится Неаполь, которое и была названо по ее имени Parthenope (*Словарь Леонтьева*. С. 744). Здесь же: Parthenorēius — партенопейский, неапольский.

⁸ В окончательном тексте у Фета: «Прочь тут римские все вы писатели, прочь вы и греки / Большее нечто растет и Илиады самой» (Элегии Секста Проперция. С. 81).

^г Далее зачеркнуто: тут

^а Далее зачеркнуто: вы

^е Далее рукой А. А. Фета.

12

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

30 августа 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

30 августа 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

При первом обращении к Вам,¹ основанном на благосклонной готовности Вашей явиться мне на помощь в моем стремлении снабдить русскую литературу переводом «Энеиды», действительно заслуживающим такого названия, я имел случай выразить Вам мою глубочайшую признательность и в то же самое время в кратких словах разъяснить свое положение в этом деле как переводчика, редактора и издателя. Надеюсь, что самый текст перевода покажет Вам, с какой *pietate*^а я не пропустил ни одного из драгоценных указаний Ваших. Как редактор я не раз имел случай изъяслять Вам мою радость по поводу появления «Энеиды», не в пример всем прочим моим переводам, не в казенной рамке компиляции на скорую руку. Об этом с должною ясностью и подобающей Вашему авторитету признательностью я говорю в моем предисловии к «Энеиде».² В том же письме я имел честь совершенно ясно раскрыть перед Вами свое положение как издателя, хотя в то время дело распадаения перевода на две отдельные части еще решено не было. Вам известно, что печатание моих изданий движется в весьма ограниченном собственном экономическом кругу, в котором расходы печатания с большою натугой возмещаются книжной продажей.

Итак, при этом деле я состою, так сказать, в качестве распорядителя, следящего за безошибочностью баланса, указывающего на границы предстоящих новых расходов по изданиям. Таким образом, в день прибытия моего 1-го октября в Москву я вынужден начать с проверки выручки от продажи книг и самому точному сведению баланса, для того чтобы знать, могу ли я продолжать идти далее в том же направлении по счетной части.

Вот почему имею честь покорнейше просить Вас почтить меня уведомлением об окончательном моем Вам долге по первому тому «Энеиды».^б

---

^а благочестием, любовью (*лат.*).

^б Далее рукой А. А. Фета.

Примите выражения глубокого уважения и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.^в

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 20–21 об.

¹ Речь идет о письме Фета от 11 марта 1887 г.

² См. примеч. 1 к письму 10.

13

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

3 сентября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 117.^а

3 сент<ября> 87.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

31 м<инувшего> м <есяца> вернулся в Казань и по обыкновению расхворался с дороги. Теперь лучше и могу ответить на Ваши 2 письма,¹ хотя донельзя завален работой. О пословице *Nabent etc.* справлялся на днях.² Думаю, что в библиотеке у нас есть так наз<ываемый> *Florigium*,⁶ напр., *Frommelt'a*,³ тогда легко будет посм<отреть>.

Объяснения к VI кн<иге> уже переписаны; введение тоже почти готово. Теперь, сидя пока дома, занимаюсь проверкою переписанных объяснений, ч<то>б<ы> переслать их Вам вполне готовыми. Заглавие для обертки и для заглавного листа тоже Вам доставлю и, надеюсь, Вы их одобрите. *Несколько* и своих строк думаю прибавить в конце Вашего предисловия.⁴

В Москве свиделся с гр. Олсуфьевым; он весь поглощен Проперцием⁵ и боялся, не помешаю ли ему, задумав то же издание. Но у меня и без того масса работ и дай Бог с ними только справиться. Между прочим, г. министр⁶ поручил мне составить программу для испытания в го-

^в На обороте письма синим карандашом, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского отмечено «Фет».

^а Здесь и далее номер вписан от руки.

⁶ флорилегий (лат.).

сударственных комиссиях по моей кафедре; что требует немало хлопот. Согласно Вашему желанию сообщаю, что мои расходы на переписку, почту и некот<орые> мелочи составляют 18 р<ублей>.

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

На конверте: На ст. Московско-Курской железной дороги
Коренная Пустынь (Курская губ.).

Его высокородию

А. А. Шеншину.

Печать на конверте в левом нижнем углу: орд. проф. Д. И. Нагуевский.
Казань. № 117.

Почтовые штемпели: 4 сентября, Казань; 9 сентября 1887, Курск.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 3–4 об.

¹ Речь идет о письмах Фета от 25 и 30 августа 1887 г. (№ 11 и 12).

² См. письмо 11 и примеч. 4 к нему.

³ Имеется в виду сборник, антология (от *lat. florilegii* — избранные произведения) из древнеримской литературы, составленный Ф. Фроммельтом: *Frommelt F. Florilegium latinum, sive Thesaurus sententiarum quae in veterum poetarum Romanorum scriptis extant*. Jena, 1868. Второе издание этой книги вышло также в Иене в 1870 г.

⁴ Это намерение не было осуществлено. После Предисловия Фета было помещено отдельное Предисловие Нагуевского (*Энеида*. Ч. 1. С. XI–XII), за которым следовало его же Введение, представляющее очерк жизни и творчества Вергилия (Там же. С. XIII–XXVIII).

⁵ Речь идет о совместной работе над переводом «Элегий» Проперция, в которой гр. Олсуфьев помогал Фету. В ходе работы Олсуфьев писал Фету 8 ноября 1887 г.: «Ваш перевод Проперция лучший из всех Ваших до сей поры появившихся. <...> критический разбор его меня тем более увлекает, что служит проверкой моей собственной работы над этим симпатичным классиком. Так как она доведена только до половины II элегии последней книги, а мне желательно представить Вам нечто законченное, то прошу Вас прислать мне тетрадь, содержащую последнюю часть III книги. По возврате Вам оной с моими пометками Вы будете в состоянии обсудить, стоит или нет обождать с печатанием, дабы дать мне возможность пересмотреть таким образом весь Ваш перевод» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 237). 22 мая 1888 г. Фет писал Олсуфьеву: «...я занят исправлением третьей книги Проперция согласно драгоценным указаниям Вашим, приводящим меня в неописанный восторг своим вниманием к труду и мастерскими оттенками подробностей. Увы! Такого мастерства мы в нашем отечестве не привыкли встречать ни в какой отрасли» (Там же. С. 240).

⁶ Граф И. Д. Делянов. Подробнее о нем см. примеч. 1 к письму 39.

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

14 сентября 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Сентября 14, 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич,

Прилагая при сем последних четыре книги «Энеиды», прошу великодушно извинить меня, что отнимаю несколько минут дорогого Вашего времени на необходимые, с моей точки зрения, разъяснения.

Ввиду болезненности глаз моих, гостящий у меня приятель, хорошо знающий древние языки и вполне владеющий русским стихом, вызвался помогать мне при переводе «Энеиды».¹ Во избежание разноречий при нераздельном сотрудничестве он взялся перевести отдельно седьмую, девятую и десятую книги, о чем будет мною сказано в предисловии.² Ибо целью моею никогда не было выставлять собственные заслуги, и я хотел дать нашей литературе то, чего в ней, к крайнему сожалению и стыду, до сих пор не было. Чьею рукою именно восполнится этот пробел, для меня безразлично. Вы, без сомнения, давно заметили, что я держусь не одних латинских вокабул и объяснения их немцами. Там же, где и этого подспорья по недостатку моему оказывается недостаточно, прибегаю к благодетельным указаниям Вашим, которые, сколько бы их ни оказалось, всегда принимаю с глубочайшей признательностью.

Не так идет дело с моим приятелем. Увлекаясь знанием латинского языка, он не всегда справляется с немцами и в болезненном раздражении готов отстаивать явные промахи перевода. Тем не менее с большими усилиями с моей стороны мне мало-помалу удалось склонить его к принятию многочисленных вариантов, введенных мною в перевод, но затем уже он решительно противится всяческим поправкам с моей стороны, а между тем, как Вы увидите, я нахожу необходимым ввести новые в начале девятой книги.³

Между тем он знает, что последнее слово во всей «Энеиде» за Вами. Знаю это и я, и при напечатании слово Ваше будет в нашем разноречии решающим *argumentum ad hominem*,⁶ ввиду которого ни тот, ни другой возражать не может.

---

¹ Синим карандашом, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского подчеркнуто «в начале девятой книги».

⁶ аргументом к человеку (в противоположность объективным доводам) (лат.).

В Москве первого октября буду ждать присылки Вашей работы, так как по опыту знаю, что нельзя одного дня медлить с печатанием, а равно буду поджидать Ваших указаний и исправлений следующих книг.

При сем в очистку долга моего прилагаю 20 руб<лей> и еще раз приношу Вам мою глубочайшую признательность.^в

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 25–26 об.

Впервые опубликовано (без последнего абзаца и подписи, с ошибками и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 28 октября, приложение. № 4, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

¹ Речь идет о Вл. С. Соловьеве (1853–1900), который с 16 апреля по, вероятно, 20 сентября 1887 г. был гостем поэта в Воробьевке (см.: *Летопись. Дополнения.* С. 340). В письме к С. В. Энгельгардт от 3 июня 1887 г. Фет сообщал: «Единственную отраду в настоящее время представляет гостящий у нас на лето знакомый Вам Владимир Сергеевич, который не хуже меня, или даже хуже болен <...>. Это не мешает ему усердно помогать мне при переводе „Энеиды“<...>» (*Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 393). См. также вступит. статью.

² См. вступит. статью.

15

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

17 сентября 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Сентября 17, 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Выслав третьего дня на имя Ваше четыре последних книги «Энеиды», спешу присовокупить два слова.

Если Вы не справлялись о *libelli*,^а ¹ то и не беспокойтесь при многочисленных трудах Ваших. Я узнал, что весь стих принадлежит грамматике III века по Р. Х. Теренциану Мавру² и гласит:

---

^в Далее рукой А. А. Фета.

^а книжки (лат.).

«pro captu lectoris habent sua fata libelli...»^{6,3}

С неизменной признательностью и почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 27.

¹ С просьбой помочь установить автора этого стиха Фет обращался к Нагуевскому в письме 11.

² *Теренциан Мавр* (Terentiānus Maurus; ок. 200 или перв. пол. IV века) — грамматик из Мавритании, автор дидактической поэмы, состоящей из трех частей («De litteris», «De syllabis», «De metris»), посвященной метрике, в которой излагается современная ему теория стихосложения (см.: *Словарь античности* / Пер. с нем. Сост. Й. Ирмшер и Р. Йоне. М., 1989. С. 572).

³ Фет использовал это выражение в качестве эпиграфа к третьему выпуску «Вечерних огней» (М., 1888), где дал свой перевод: «По разуменью чтеца свои судьбы есть у книжек» (ВО 3. С. III).

16

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

24 сентября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 139.

24 сент<ября> 87. Казань.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Вместе с сим письмом препровождаю: 1) Объяснение к 6 песням; 2) Введение; 3) Мое предисловие 4) Содерж<ание> отд<ельных> книг; 5) Два листка как образцы для обертки и заглав<ного> листа.

Все эти работы переписаны точно, мною просмотрены и исправлены, что представляло порядочно-таки скучный и утомительный труд. Надеюсь, что характер и исполнение моей работы заслужат Ваше одобре-

---

⁶ *Букв.*: «по восприятию читателя, книги имеют свою судьбу», т. е. книги имеют свою судьбу в зависимости от того, как их принимает читатель (*лат.*). Ср. перевод Фета: «По разуменью чтеца свои судьбы есть у книжек». *Далее рукой А. А. Фета.*

ние. В случае же каких-либо сомнений я всегда готов дать разъяснения. Указания на некоторые особенности при печатании мною сделаны синим карандашом,¹ и надеюсь, что Вы их одобрите. Относительно обертки и заглавн<ого> листа, я думаю, Вы ничего против иметь не будете, так как Вы сами сообразовали согласиться и предложить мне поместить^а мое имя рядом с Вашим.² Формат издания сообразовали сохранить в том виде, как было условлено.

К продолжению принятого на себя труда по изданию «Энеиды» приступим в октябре, после 20 ч<исла> или раньше, смотря по тому, как окончу свои *срочные служебные* работы, отчеты, донесения и проч. Но и к этому времени я буду исподволь работать и сообщать Вам добытое.

Поздравляя Вас с окончанием I части «Энеиды», душевно желаю, чтобы и печатание его <так!> было доведено скорее до конца.

Сообразовали сообщить, к какому приблизит<ельно> времени рассчитываете оконч<ить> печатание тома. И для меня как потрудившегося немало это тоже любопытно.

Переводных Ваших тетрадей³ я не сообщаю, так как Вы ничего об них не пишете, да они мне могут понадобиться при пров<ерке> др<угих> книг. Если же *нужно*, то напишите или дайте телеграмму и немедленно будут высланы.

Глубоко уважающий и преданный
Д. Нагуевский.

Вписано сверху:

Два или три экз<емпляра> на *велевой* бумаге я желал бы иметь для посылки некоторым знакомым.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 5–6 об.

---

¹ В оригиналах писем Фета есть пометы, сделанные синим карандашом (что оговорено в подстрочных комментариях), которые, скорее всего, принадлежат Нагуевскому.

² См. письмо 18.

³ В письме от 21 октября Фет согласился оставить на время тетради с переводом «Энеиды» у Нагуевского. Местонахождение этих тетрадей в настоящее время неизвестно.

^а *Далее зачеркнуто:* мне

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

8 октября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плущиха, соб. дом

Октября 8, 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Благодарю Вас за аккуратную высылку всего почтенного труда Вашего, который в точности будет воспроизведен в печати согласно указанию Вашему, начиная с обертки и заглавного листа до примечаний по цифрам стихов. Единственное изменение, которое я себе позволяю, состоит в том, что, указывая в моем предисловии на текст Ladewig'a, я всюду держусь его правописания Вергилий, а не старинного Виргилий. Завтра уже ожидаю первой корректуры и подписки типографии¹ с неустойкою на случай неокончания первого тома к 15 декабря. Следовательно, рассчитывая на законное время пребывания новой книги в цензурном комитете, думаю, что к праздникам буду в состоянии выслать Вам желаемые экземпляры на веленовой бумаге.

В свою очередь буду поджидать по примеру прошлого времени Ваших заметок по стихам переводного текста и дальнейших примечаний по мере успешности дела. Необходимо, чтобы после праздников я мог продолжать печатание второго тома, так как в половине февраля следует окончить всю работу.

Что касается до письменного экземпляра перевода, то, имея в руках дублет, каждый раз исправляемый согласно указаниям Вашим, я в нем нужды не имею.^{а, 2}

С глубочайшей признательностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 28–29.

¹ «Энеида» печаталась в известной типографии А. И. Мамонтова, откуда в 1886–1893 гг. вышли в свет тома переводов Катулла, Овидия, Марциала, «Горшок» Плавта и воспоминания Фета. Ценз. разр.: 9 декабря 1887 г.

² См. примеч. 3 к письму 16.

^а Далее рукой А. А. Фета.

18

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

23 октября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плущиха, соб. дом

Октября 23, 1887.

Многоуважаемый Дарий Ильич!

При несомненном свидетельстве любезного участия Вашего в издании моего перевода «Энеиды», заявленном на самой заглавии книги и, кроме того, моим и Вашим предисловиями, считаю излишним докучливо выражать Вам мою за него душевную признательность. Что касается до меня, то, привыкши издавна к литературному против меня недоброжелательству, я главным образом занят качеством моих трудов и скорее мог искать имени ученого специалиста, каково Ваше, в поддержку моему, являющемуся на обертке классического перевода с очевидным оттенком дилетантизма. Вот почему я в день получения Вашей рукописи без всяких задних мыслей изъявил полное согласие на все Ваши требования.¹

В настоящем случае, о котором буду говорить далее, необходимо прежде всего указать на действительную судьбу нашего переводного текста. Понятно, что я просил Ваших указаний на недомолвки, неточности и даже неверное понимание текста в уверенности, что одного Вашего намека достаточно будет, чтобы открыть мне глаза. Но в просьбе моей очевидно не могло заключаться смысла, что я обязан следовать и тем указаниям, с которыми я не согласен. Я очень рад, что оригинальный текст перевода остается у Вас: по нем Вы можете убедиться, что я тщательно воспользовался всеми Вашими указаниями, но что независимо от них я ни на минуту не переставал по мере сил исправлять свой текст при новых, частых его пересмотрах. Такие исправления целых стихов случаются и в настоящее время по самой корректуре. Явно, что я не имею нравственного права быть настолько же снисходительным к затруднениям переводчика, как сторонний критик. Скажу более. Желая оставить за Вами полную ответственность за примечания, я не касаюсь в них одной йоты даже там, где считаю их чересчур недоверчивыми к разумению читателя, напр<имер> кн. I ст. 293: «железом затворов», т. е. «железными затворами».² Тем не менее я вынужден всюду принятым мною чтением имен по латинскому тексту подгонять эти имена в примечаниях к последнему, хотя в примечаниях они являются в греческой форме: Кинт, вместо Цинт и т. д.

На днях находившийся в отсутствии сотрудник мой Влад<имир> Соловьев, увидав черновую обертки и заглавного листа (это было в кругу людей, принимающих живое участие в моей «Энеиде»),³ разразился, можно сказать без преувеличения, неожиданным для меня бунтом, укоряя меня в том, что я без ведома его открываю *товарищескую фирму*, в которой он, как несомненный сотрудник, имеет полное право участия, и напрямик заявил, что, довольствуясь заявлением в предисловии о его сотрудничестве, он положительно отказывает в согласии на выставление фирмы без его имени, а равно и со включением его в оную. Точно так же он находит слово *под редакцию* не соответственным действительности, ибо этою редакциею мы, как выше сказано, были заняты с ним много раз и после любезных указаний Ваших. Вчера граф Олсуфьев был у меня и вполне становится в этом случае на сторону Соловьева и других знатоков, настоятельно требовавших от меня уступок Соловьеву. Надеюсь, Вы убедитесь, что я в настоящем случае только пассивен, ограничиваясь повторением на обертке Вашего заголовка с выпуском в нем слова *под редакцию* и оставляя: со введением и т. д.

Положа руку на сердце, скажу, что считаю все это мелочами, нимало не изменяющими дела, и мне будет крайне жаль, если и с Вашей стороны я встречу такие же затруднения, какие испытал здесь.

В настоящее время набирается уже третья книга, и потому я надеюсь, что буду в состоянии к концу ноября выслать Вам несколько экземпляров первого тома на веленовой бумаге, а затем приступить к печатанию второго тома, для чего мне нужны Ваши примечания.

Если же почему-либо Вы не можете выслать мне таковых хоть для трех первых книг к декабрю, то не откажите предупредить меня о том любезно, так как на этот случай граф Олсуфьев берется написать их для меня⁴ и такая со стороны его любезность потребует новых объяснений в предисловии.

Конечно, ни Вы, ни я не ожидали такого усложнения простого дела.

В ожидании любезного ответа прошу принять^a уверения в искренней признательности и неизменном уважении Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 30–31 об.

Впервые опубликовано (с пропусками, неточностями и неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 28 октября, приложение. № 4, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

^a Далее рукой А. А. Фета.

¹ См. письмо 16.

² В таком виде комментариев сохранен в книге (см. *Энеида*. Ч. 1. С. 43).

³ Речь идет о гр. А. В. Олсуфьеве, Ф. Е. Корше, Вл. Соловьеве, Ю. А. Кулаковском, Н. Я. Гроде.

⁴ Это намерение, как известно, не было исполнено.

19

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

30 октября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 156.

30 окт<ября> 87.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Весьма прискорбно, что предложенная мною по Вашему, как увидите ниже, предложению и с Вашего согласия, редакция заглав<ого> листа и обертки к «Энеиде», подала повод к пререканиям и недоразумениям. Так как результат этих пререканий Вы сообщаете мне не столько для того, чтоб узнать мое мнение в деле, несомненно меня касающемся, сколько для *сведения*, то мне по-настоящему <надо было> примириться с этим, если бы высказанные в Вашем письме мнения и соображения не затрагивали в то же время чувствительно меня как человека и ученого, стремящегося будто бы *per fas et nefas*^a придать своему участию в литературном сотрудничестве какую-то особенную, неправильно присвоенную заслугу и рекламу. Ввиду этого я позволяю себе изложить основания и особенности своего сотрудничества в Вашем издании, чтобы достаточно выяснить вопрос, насколько я имел право нравственно, с научной стороны дела и документально, юридически, <на?> препровожденную к Вам редакцию загл<авного> листа и обертки.

Изъявив согласие способствовать Вашему переводу «Эн<еиды>», я имел в виду преимущественно объяснительные к нему примечания и, пожалуй, введение; пересмотра мною *текста перевода* я не предполагал, вполне сознавая, что, при свойственной мне аккуратности, в исполнение принятых на себя обязательств и по существу самого дела, подобная рецензия текста потребует много труда и времени, которым я,

---

^a правдами и неправдами (*лат.*).

как человек служащий, свободно располагать не могу. Вот почему я сильно колебался, соглашаться ли мне после первого Вашего письма на редакцию текста перевода или ограничиться только примечаниями и введением. Из глубокого уважения к Вашим научным заслугам и из любви к делу я согласился на то и другое. Я внимательно, с текстом в одной, с переводом в другой руке прочитывал Вашу рукопись и тем внимательнее, что Вы видели во мне как специалисте главную опору при решении спорных вопросов. Нечего, конечно, прибавлять, что проверять добросовестно, в полном объеме чужую работу несравненно труднее, чем двигать собственную. Труд этой проверки особенно усложнился после того, как Вами был назначен срок окончания работы, ввиду которого мне пришлось отложить в сторону все другие свои научные работы и в продолжение целых шести месяцев, в том числе и самых важных для меня трех — каникулярных, заниматься *исключительно* Вашей «Энеидой», причем большая часть времени уходила на проверку перевода. Что я сообщал Вам меньше замечаний, чем Вы, быть может, ожидали, то это зависело от достоинства перевода, но характер моего труда, при котором пришлось поверять каждый стих, от этого нисколько не изменился. Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы убедиться, что с научной и нравственной стороны я совершенно прав, употребляя выражение *под редакцию*, которое я и теперь отстаиваю и желаю сохранить за собою.

Переходя к документальной стороне, прежде всего замечу, что, не гоняясь за рекламой и довольствуясь вполне приобретенным положением в науке, я *самолично* и не думал предлагать Вам поместить мое имя на обертке и заглавном листе. И то <и> другое было Вами предложено предварительно в самом начале работы. В письме от 11 марта Вы пишете: «Конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок». В письме от 31 марта Вы говорите: «Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет написано: „текст проверен и примечания написаны орд<инарным> пр<офессором> Нагуювским“ — этот заглавный листок „заменит всю похвалу критики“». В письме от 14 сент<ября> Вы заявляете, что в разноречиях между Вами и Вашим приятелем мой голос будет решающим *argumentum*. — Сказанного, думаю, достаточно, чтобы убедиться, что и с этой стороны я прав, употребив выражение *под редакцией*.

Что касается до какой-то *товарищеской фирмы*, то последняя существует, вероятно, только в болезненном воображении Вашего сотрудника. Ничего подобного я никогда не имел в виду и никогда не выставял

себя под прикрытием чужого флага, требуя только всегда справедливого отношения к делу. Если Вашему сотруднику показался неловким самый тест *обертки*, то текст этот я согласен изменить, перепечатав в него текст заглавного листа, в котором выражение *под редакциею* я прошу покорнейше оставить за мною^б как Вами же предложенное и принадлежащее мне по существу дела.

Что касается участия моего во II томе «Энеиды», то на таковое я не считаю себя вправе решиться в *настоящее время* уже потому, что при промахах, замеченных мною в VII, IX и X книгах и допущенных Вашим сотрудником, мне пришлось бы вступать в пререкания и незаслуженно, как и в данном случае, возбуждать «габлет»^в г. Соловьева. Будучи *pacis amantissimus*,^г человеком заметным и *много лет* огорченным семейными заботами (болезнью жены), я дорожу каждой минутой душевного покоя и удовлетворения и не могу как человек и ученый вторично подвергать себя риску сделаться объектом пререканий и обидных инсинуаций. Повторяю, *non sponte*^д отказываюсь от дальнейшего сотрудничества и надеюсь, что Вы, многоуважаемый Аф<анасий> Аф<анасьевич>, не бросите за это в меня камень как в человека, искренно Вам преданного и желающего всякого успеха Вашему делу.

В ожидании дальнейших распоряжений примите уверение в глубочайшем уважении и преданности

Д. Нагуевского.

На конверте:

В Москву.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 31 октября 1887, Казань; 1 ноября Казань; 5 ноября 1887, Москва.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 7–10 об.

---

^б за мною — *вписано*.

^в «ярость» (лат.).

^г *приверженцем мира* (лат).

^д *вынужденно, неохотно* (лат.).

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

18 ноября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ

Казань.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я полагаю, что Вы не посетуете на меня ввиду того, что на несколько дней я задержал рукопись «Энеиды» у себя. Я позволил себе это ввиду письма гр. Олсуфьева, который просит меня продолжать сотрудничество в «Энеиде».¹ Сущность моего ответа и условия, вызванного обстоятельством <так!>, он Вам, вероятно, сообщил² и от Вас будет зависеть <...>^a

При этом позволяю себе присовокупить, что глубоко скорблю в причинении Вам волнений и беспокойств по поводу моего сотрудничества, о чем подробнее распространяться и отвечать Вам на высказанные Вами в последнем письме мысли я не буду.³ Скажу только, что мы не поняли друг друга и что у меня и мысли не было заподозрить Вас в каком-либо нерасположении. Что касается меня, то Вы можете быть уверены в моем *искреннейшем* сочувствии Вашему труду и *неизменном* глубочайшем уважении, с которым остаюсь Вашим покорнейшим слугой

Д. Нагуевским.

На конверте:

В г. Москву.
Его высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 20 ноября 1887, Казань; 25 ноября 1887, Москва.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 11–12.

Письмо датируется по дате, сохранившейся на обрывке письма: «18 ноября», и по почтовым штемпелям.

^a Далее фраза не читается вследствие дефекта текста.

¹ Письмо Олсуфьева к Нагуевскому неизвестно.

² В имеющихся письмах Олсуфьева к Фету нет никаких сведений об «условиях» Нагуевского.

³ Нагуевский отвечает на письмо Фета от 23 октября 1887 г.

21

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

21 ноября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

21 ноября 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Сию минуту был у меня гр<аф> Олсуфьев и обрадовал меня известием, что Вы изъявили согласие довести любезно начатое Вами дело до конца. Если бы между нами состоялось личное свидание, то я ни на минуту не сомневаюсь, что свалившаяся, как *deus ex machina*,^a буря в стакане воды рассеялась бы в двух словах. Ибо если бы я хотя на миг сомневался в незаменимой пользе Вашего критического просмотра перевода и примечаний, не говоря уже об ученом авторитете, доставляемом изданию Вашим именем, — то кто же бы или что же могло меня пробудить беспокоить Вас на таком расстоянии, поглощающем одну корреспонденцию столько времени? В довершение ко всему как человек, заинтересованный общим с Вами делом, я мог сообщить Вам о совершенно неожиданном для меня стороннем вмешательстве, но считаю лично для себя оскорбительною всякую мысль, будто бы я на любезное и бескорыстное сотрудничество Ваше способен был ни с того ни с сего отвечать неблагоприятными инсинуациями. Такая мысль равнялась бы указанию на мою неблаговоспитанность. Но слава Богу! — туман недогазумений рассеялся и арена совместного нашего труда вновь расчистилась.¹ Если я безгранично веряюсь Вашему ученому авторитету, то прошу вникнуть в мои практические мероприятия, ввиду всех обстоятельств дела. До напечатания двенадцат<ой> книги «Энеиды», т. е. до 15 февраля,² далее которого я тянуть печатание по обстоятельствам (1 марта я уже уезжаю в деревню) не могу, перед нами еще два с поло-

---

^a Букв: бог из машины, т. е. неожиданно (*лат.*).

виною месяца, которыми я желал бы воспользоваться с наименьшим для Вас напряжением и тратою дорогого Вашего времени. Вчера я держал корректуру прекрасного введения Вашего и потому в скором времени буду иметь возможность выслать Вам первую часть «Энеиды». При чтении текста Вы убедитесь, как часто уже при чтении корректуры мне удавалось исправлять те или другие неудачные стихи. Если это случилось со стихами, подвергавшимися столько раз тщательным пересмотром, то Вы можете себе представить, до какой степени при написании примечаний пришлось мне исправлять остальных 6 книг. Итак, имеющиеся у Вас списки переводов этих книг далеко не могут дать Вам понятия о^б переводе в настоящем его виде, а способны только сбивать Вас, представляя излишнюю работу.

Поэтому прошу Вас обратить внимание на следующую практическую комбинацию. Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й, и тексты оных по крайнему моему разумению и возможности исправлены. Тем не менее могут встретиться места, требующие Ваших указаний по неправильному их пониманию или чему-либо иному. Вследствие этого я буду поступать таким образом. По отпечатании 7-й кн<иги> в гранках я перешлю Вам ее в гранках и приложу к ним мои примечания. Заметки Ваши могут по примеру 1-й части «Энеиды» ограничиваться указаниями под цифрами на обыкновенном листке, каковым способом могли бы Вы изменять или добавлять и мои примечания. А так как сила вещей требует просмотра книги в неделю, то я, не дожидаясь Вашего ответа, т. е. присылки поправок 1-й кн<иги>, выслал бы таким же порядком через неделю 2-ю, затем 3-ю и так до конца. Конечно и несомненно, цель обоих нас при сотрудничестве дать литературе по возможности удовлетворительный перевод «Энеиды»; чтобы не повредить нашему общему труду, мы не должны до окончания его расходиться в разные стороны, но кроме этого не следует упускать из виду и того соблазна, в который мы введем публику, приученную заглавием 1-й части смотреть на книжку как на продукт нашего общего труда и видящую вдруг, что мы по неизвестным ей причинам не держим нашего обещания. Не будет ли это некоторым подобием раздачи подписчикам журнала за вторую половину года не абонированного издания, а совершенно иной редакции? Более скорых и удобных для нас обоих приемов успешного продолжения нашего

---

^б *Далее зачеркнуто*: вид

труда я придумать не могу и потому убедительно прошу Вас, если Вы с своей стороны не найдете чего-либо более удобного, почтить меня в самоскорейшем времени о Вашем на этот счет решении. Если дело это остановится на моем плане, то Вы окончательно успокоите меня насчет судьбы второй части «Энеиды». Повторяю: я льщу себя надеждой, что в настоящем виде переводы остальных книг, над которыми я лично много потрудился, представят Вам немного камней преткновений. Чтобы начать пересылку к Вам гранок и примечаний, мне необходимо предварительно получить одобрение моего плана или замену его каким-либо другим. Что касается до содержания книг, выставяемого в заголовке каждой книги, то прошу Вас о нем не беспокоиться, так как ошибка в этом отношении с моей стороны немыслима, а между тем писание их отнимает у Вас время. Не скрою также, что преимущественно дорожу тем, что перевод мой пройдет, так сказать, церемониальным маршем перед глазами специалиста-знатока и получит от него диплом зрелости. Что же касается до примечаний, то ученое их достоинство есть уже роскошь, которою под гнетом отмеренного времени можно и не воспользоваться, невзирая на блеск, какой она в состоянии придать изданию. Вы видите, многоуважаемый Дарий Ильич, что все мое внимание сосредоточено на внутреннем и внешнем виде общего нашего детища и что никакие личности не входят в мои соображения. Что бы там ни говорили, неопровержимое дело будет состоять в том, что мы первые с Вами явимся на Руси с изданием перевода «Энеиды», действительно заслуживающим такого названия.^в Еще раз примите уверения в глубоком уважении и душевной признательности Вашего покорного слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 32–34 об.

Впервые опубликовано (неполностью и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 28 октября, приложение. № 4, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

¹ См. письмо 18.

² Вторая часть «Энеиды» вышла 27 февраля 1888 г.

---

^в Далее рукой А. А. Фета.

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

26 ноября 1887 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета

26 ноября 1887 г.^a

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Сегодня я получил Ваше письмо от 21 с<его> м<есяца> и сегодня же отвечаю из своего кабинета Нумизматического музея, которым заведу и где набралось к праздникам переписки и отчетов. Вполне одобряя мысль окончить благополучно, как думал, и с пользой для благочестивого Энея наш труд, принимаю Ваш план и предложение и с тем же усердием, как и прежде, примусь за просмотр перевода и примечаний, надеясь, что не должно быть задержки окончить дело к тому сроку, как Вы полагаете. По крайней мере, могу Вас заверить, что приложу все старания, чтобы по-прежнему быть аккуратным, и если я не обладаю быстрым как молния взглядом на дело, то думаю вознаградить это вниманием и любовью к начатому труду. К примечаниям прибавлю, если что понадобится, и постараюсь в общем согласовать их с примечаниями I части. Радуюсь, что bene juvantibus dis^b наши сомнения отошли в область истории и что снова можем соединиться для пользы дорогого нам русского классицизма.

Quod Deus bene vertat!^b

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

К экземплярам на веленовой бум<аге> не откажите присоединить и несколько экземпляров на обыкновенной, для обыкновенных смертных.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 13–14 об.

^a Бумага всего письма сильно повреждена.

^b с божьего благословения (лат.).

^b И да обратит это Бог во благо! — т. е. пусть примет это благополучный оборот (лат.).

23

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

29 ноября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плюшиха, соб. дом

Ноября 29, 1887.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Держа в настоящую минуту корректуру наших предисловий и главных листов, я преднамеренно, до напечатания оных, не показываю их посторонним, ибо уверен, что разве слепой читатель, при первом взгляде на обертку, не получит впечатления, что труд издания принадлежит Вам и мне сообща; а что я прикрываю свой товар Вашим флагом, в этом убедится всякий, кто прочтет мое предисловие. Не могу воздержаться, чтобы не сказать, что вступление Ваше превосходно. Оно основательно, всесторонне, гармонически расположено в своих сочленениях и при полной ясности, насколько возможно, сжато, и для ученого и для неученого ярко освещает «Энеиду». Перехожу к предстоящему нам труду. Считаю самым бесплодным делом борьбу с неизменными обстоятельствами. Я уже имел честь писать Вам, что для напечатания втор<ой> част<и> «Энеиды» у нас по 15-е февраля 2½ <месяца>, из которых следует вычитать время праздников. Лыщу себя надеждой, что при чтении прилагаемых гранок VII кн<иги> Вы убедитесь в приложенном мною старании сгладить все места, требовавшие, по крайнему разумению моему, исправлений. Самая высылка Вам перевода в гранках, полагаю, для Вас удобнее при чтении. Меня же успокаивает, снимая заботу о судьбе рукописи, причем не предстоит надобности в обратной присылке текста и примечаний. Что касается до последних, то, не зная, в каком виде угодно будет Вам их оставить, я их не набираю, во избежание двойной работы. Ввиду того, что Вы и первую часть не обременили излишними примечаниями, надеюсь, что и на этот раз трезвый труд наш сохранит свои прежние размеры.

Остается сказать главное о распределении времени. Еще в начале декабря вышлю Вам вдогонку за седьмою книгой и восьмую, а затем буду поджидать замечаний на седьмую и только по получении их немедленно вышлю девятую и т. д. тем же порядком.

Простите великодушно, что отнимаю Ваше дорогое время, но утешаюсь отчасти мыслию, что это делает благочестивый Эней¹ скорее, чем я сам.^a

^a Далее рукой А. А. Фета.

С совершенным почтением и признательностью имею честь быть
Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 35–36.

¹ См. примеч. 4 к письму 10.

24

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

20 декабря 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 180.

20 дек<абр> 87.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Сегодня неделя как получил VII кн<игу>,¹ а поправки и пересмотр <уже> окончены. Сообщаемые замечания к переводу, надеюсь, будут Вами одобрены, так как добыты по тщательному рассмотрению текста. Примечания потребовали усидчивой работы. Присланные Вами объяснения до конца меня не удовлетворили, особенно по сравнению с объяснениями к первым 6-и книгам. Пришлось многое дополнить, переделывать, связать с предыдущими объяснениями, одним словом, придать характер стройности и последовательности, столь необходимый для Вашего образцового и высоко поэтического перевода. Объяснения мои отчасти вставлены в присланные Ваши, отчасти помещены на 2 листе, с соответ<ственными> ссылками синим карандашом. Все сделано мною собственноручно, ясно, думаю, и старательно. Остается только печатать и проследить внимательно корректуру. Объяснения Ваши хотя облегчили немного мои труды; желательно, ч<то>б<ы> при следующих книгах были оставлены поля пошире.

Радуюсь, что «Энеида» выйдет цельная, не исковерканная. Ожидаю 8 кн<игу> и немедленно приступаю к ней, благо лекции прекращены и времени свободного чуть немного больше.

Что у Вас слышно про Моск<овский> университет? Сообщите, если можете.² Меня беспорядки застигли во время чтения лекции, но мне удалось воздержаться своих слушателей от незаконных поступков, всех

вывести и отправить домой. Этому очень радуюсь, хотя и подвергаю себя опасности быть оскорбленным, так как студенты врываются в мою аудиторию и требовали моих слушателей на сходку. Но последних я не пустил туда и всех вывел из универ<ситета>. Пока исключенных у нас 66.³

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

Посылаю заказным и бандер<ролью>, так как боюсь вкладывать письма в бандероль.^a

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 15–16 об.

¹ Письмо Фета, к которому был приложен текст VII книги, неизвестно.

² В «Отчете о состоянии Университета за 1887 г.», опубликованном к 12 января 1888 г., говорится: «Вследствие бывших в ноябре месяце среди студентов беспорядков, 30 ноября чтение лекций в Университете было с Высочайшего соизволения и по распоряжению высшего начальства прекращено» (см.: *МВед.* 1888. 17 января. № 17. С. 5).

³ Сходка-демонстрация студентов Казанского университета произошла 4 декабря 1887 г. и вошла в историю как первое революционное выступление, в котором участвовал В. И. Ульянов (Ленин), семнадцатилетний студент I курса юридического факультета.

25

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

24 декабря 1887 г. Москва

МОСКВА
Плущиха, соб. дом

Декабря 24, 1887.

Многоуважаемый Дарий Ильич!

Извините великодушно, что, вернувшись только вчера большой из Петербурга к самому развалу многочисленных дел, пишу Вам о самом необходимом. Надеюсь, что при своевременном получении второй части нашей «Энеиды»¹ Вы убедитесь, до какой степени я постарался воспользоваться драгоценными указаниями Вашими в седьмой книге, а равно и добавочными примечаниями.

---

^a Это предложение вписано в верхней части первой страницы письма.

На днях^а условленным между нами порядком вышло Вам гранки и примечания девятой книги.

Нимало не вмешиваюсь в Ваши распоряжения по части пересылки текста, но так как заметки неудовлетворительных стихов, а равно и добавочные примечания идут у Вас, как и следует, под соответственными номерами, то я полагаю, что было бы для Вас менее затруднительно пересылать то и другое в одном застрахованном конверте.

Как только типография начнет снова работать, буду последовательно пересылать и остальные гранки. По окончании же всей пересылки я буду просить Вас не отказать мне в уведомлении о сумме пересылочных денег, так как я не могу допустить, чтобы Вы, кроме драгоценных трудов своих, тратили и деньги на мое издание.

Хотя у меня нередко обедает профессор Московского университета,² но университетское начальство и само не знает, чем с правительственной стороны разыграется университетская трагикомедия. Что касается лично до меня, то я — между нами будь сказано — сердечно поздравляю Вас с энергическим отпором, данным Вами неразумному, но тем не менее опасному бурлению.³

Я уверен, что если бы во главе университетов стояли люди с твердыми убеждениями, подобно Вашим, то весь этот вздор был бы невозможен. Говорят, что 15-го Московский университет будет открыт.^{6, 4}

Примите уверения в глубоком уважении и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 37–38.

¹ Первая часть «Энеиды» вышла в декабре 1887 г. Фет в письме к Я. П. Полонскому от 26 декабря 1887 г. пишет: «Прилагаю при сем только что вышедшую из печати первую часть „Энеиды“ <...>» (*Переписка с Полонским*. С. 614).

² Вероятно, речь идет о *Федоре Евгеньевиче Корше* (1843–1915) — филологе-классике, востоковеде и слависте; с 1883 г. профессоре римской словесности в Московском университете.

³ См. письмо 24 и примеч. 3 к нему.

⁴ «От начальства императорского Московского университета, — сообщалось в «Московских ведомостях», — объявляется, что занятия в Университете начнутся 21 января, в четверг. <...> Чтение лекций и практические занятия начнутся 26 января» (1888. 18 января. № 18. С. 1).

^а Далее зачеркнуто: условны

⁶ Далее рукой А. А. Фета.

26

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

29 декабря 1887 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета

29 дек<абря> 1887 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

И VIII кн<ига> пересмотрена и исправлена вместе с примечаниями, потребовавшими добавлений и изменений. На все это, думаю, не посуете, так как это клонится только к улучшению Вашего прекрасного труда и к прославлению «благочестивого Энея». ¹ Праздники, как всегда, провожу тихо и трудолюбиво, придерживаясь правила: «non amo nisi umbram non delector nisi secessum»,^a а следов<ательно> не прочь буду заняться и 9-й книгой, если таковая подоспеет, что и желательно для меня, дабы после праздников было меньше работы, когда вероятно начнутся лекции. Как видите, я по-прежнему всячески стараюсь, чтобы быть готовым к сроку, не изменяя качества и достоинства труда.

Соблаговолите обратить настоятельно внимание корректора на мои сноски, поправки и дополнения, чтобы не было перепутано и все помещено в порядке. Пропущенные опечатки мною также исправлены.

Душевно поздравляю Вас с праздниками и наступающим Новым годом, примите уверение в глубоком уважении и преданности

Д. Нагуевского.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 17–18.

¹ См. примеч. 4 к письму 10.

---

^a «люблю я тень и предпочитаю уединение» (лат.).

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

10 января 1888 г. Москва

МОСКВА
Плещиха, соб. дом

10 января 1888.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Не знаю, какое впечатление произвела на Вас общая физиономия первой части нашей «Энеиды», но обедавший на днях у меня Корш,¹ без малейшего с моей стороны вызова, поздравил меня с вполне удачным изданием. Кому же об этом судить, как не знатокам?

Праздничные перерывы лишали меня возможности приводить дело к концу с надлежащей скоростью. Времени остается немного, и вот Вам мой доклад. Седьмая книга печатается, восьмая верстается, девятая и десятая в настоящее время у Вас, одиннадцатая набирается, а ко всем им мои примечания готовы,² и примечания двенадцатой книги посланы сегодня к Вам вместе с гранками десятой книги. А так как у Вас перевод есть в рукописи, то лишь бы явился досуг, задержки в проверке примечаний быть не может.

В конце концов избранная Вами манера пересылки ко мне Ваших поправок самое лучшее и удобное.

По получении из типографии ни минуты не замедлю пересылкою Вам гранок одиннадцатой и двенадцатой книг.^a

Прошу принять уверения в глубоком уважении и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 39–40.

¹ Ф. Е. Корш в письме к Фету от 27 февраля 1888 г. пишет об издании всего перевода: «...Вам искренняя благодарность за „Энеиду“: с большим удовольствием прочел, что Эней отправил Турна куда следует (а Вы расстались с Нагуевским)» (*Космолинская Г. А. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 220*). См. примеч. 2 к письму 25.

^a *Далее рукой А. А. Фета.*

² Примечания ко второй части «Энеиды» (кн. VII–XII) были составлены Фетом и только отредактированы Нагуевским, заявленном на титуле в качестве автора примечаний.

28

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

10 января 1888 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 11.

10 янв<аря> 88.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Спешу переслать Вам 9 книгу, в которой относительно перевода я нашел сравнительно мало неточностей. В примечаниях пришлось, напротив, немало изменить и дополнить, и надеюсь, что эти поправки и дополнения войдут в Ваше издание. Конец присланных Вами примеч<аний> кн<иги> IX оставляю у себя, так как на том же месте помещены примеч<ания> X кн<иги>, гранок которой буду ожидать.

За присланные экземпляры I части «Эн<еиды>» приношу Вам сердечную благодарность. Не сочтите за назойливость или дерзость с моей стороны, если, вынужденный своими знакомствами, я осмеливаюсь просить вас выделить в мое распоряжение еще 5 или 6 экз<емпляров> на обыкновенной бумаге, если, конечно, это не сделает Вам особого материального ущерба. Больше мне уже не понадобится.

Не имеете ли Вы каких известий от моск<овских> ученых о начале унив<ерситетских> лекций?¹ Мы живем в совершенном на этот <счет> неведении, причем ходят слухи, что лекции начнутся в марте и продолжатся (*horribile dictu*^a) до полов<ины> июля. Так ли это?

При сем соблаговолите принять от меня препровождаемый при сем посылкой I-й том моего критического изд<ания> Ювенала, вместе с моим фотографич<еским> изображением и соответственной подписью, в искренности которой соблаговолите не сомневаться.² Я рад, что в этом труде Вы встретите не раз и свое почтенное имя и глубокое уваж<ение> гр. Олсуфьеву, которому также этот труд препровождаю. Бог знает, уда-

---

^a страшно сказать (*лат.*).

стся ли мне, обремененному трудами и домашними заботами, довести этот труд до конца. Но *macte virtute esto*⁶ как говорил Ливий.³ В ожидании дальнейших указаний примите уверение в глубоком уважении и преданности.

Д. Нагуевский.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 19–20 об.

¹ См. примеч. 4 к письму № 25.

² Речь, по всей вероятности, идет об издании: Исследование о Ювенале и его произведениях и сатиры I–III. Казань, 1888. Из печати вышел лишь т. 1. Местонахождение экземпляра книги с дарственной надписью Фету неизвестно.

³ Местонахождение цитаты из Ливия установить не удалось.

29

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

19 января 1888 г. Казань

19 янв<аря> 88.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

IX кн<ига>, видно, в Ваших руках. Появилась X<-я>.¹ Много пришлось поработать над примечаниями; ошибок в переводе немного и неважные. Позаботьтесь, чтобы к 9-й книге предшествовало изложение содержания, сначала краткое, затем по стихам, соответственно I тому. Включать изложение содержания в комментарий, как то сделано в одном месте X кн<иги>, неудобно, и потому я это место вычеркнул и его следует перенести в общее содержание.

XI книгу вышло к 1 февр<аля> *ubi paribus*,^a смотря по времени. Лекции, говорят, начнутся в двадц<атых> числах с<его> м<есяца>.² В правлении универс<итетском?> страшный разлад.

Внешностью издания «Энеиды» я очень доволен. Отзыв о ней я нашел в № 5 «Гражд<анина>» 1888 г.³ Если найдете отзывы в др<угих> период<ических> изданиях, то сообразовите указать мне.⁴

⁶ *Правильно: macte virtute tua esto; букв.: будь прославлен своей доблестью (лат.).*

^a *поровну (лат.), нечеткое написание paribus допускает прочтение partibus — по частям, что более соответствует смыслу.*

Спешу на почту.

Душевно преданный
Д. Нагуевский.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 21–22 об.

¹ Нагуевский отвечает на письмо Фета от 10 января 1888 г. (№ 27), вместе с которым были высланы гранки X книги.

² См. примеч. 4 к письму 25.

³ В связи с тем, что эта анонимная рецензия мало известна, приведем ее полностью: «Честь и слава маститому поэту за новый богатый вклад в русскую переводную литературу. После Горация, Ювенала, Катулла, Тибулла и Овидия г. Фет дарит нас поэтическим воспроизведением на русском языке „Энеиды“ Вергилия. Польза подобных переводов, в особенности когда переводчиком является такой поэт и такой знаток в стихотворном деле, как г. Фет, столь понятна и очевидна, что распространяться о ней нет никакой надобности. Всякому русскому образованному человеку подобает как можно скорее прочесть ее с доски до доски. Смеем уверить, что такое занятие для всех и каждого будет во сто крат приятнее и поучительнее чтения французских скабрзных романов или заучивания наизусть уныло-либеральных виршей наших юных поэтиков. Издана книга тщательно, в приятном формате малого in-8°. В предисловии переводчик ярким, образным языком, свойственным лишь истинным художникам слова, излагает те художественные требования, которым он старался удовлетворить при исполнении предпринятой задачи. Из того же предисловия читатель узнает, что труд перевода разделял с г. Фетом нам известный философ Владимир Сергеевич Соловьев, превосходно владеющий — по авторитетному свидетельству г. Фета — русским стихом „при тонком эстетическом чувстве и основательном знании латинского языка“. Переводу предпослано введение профессора казанского университета, Д. И. Нагуевского с краткою биографиею Вергилия и критическим взглядом на его знаменитую поэму.

Кстати о г. Фете. Мы слышали, что в непродолжительном времени имеет появиться в свет третий том сборника оригинальных его стихотворений — „Вечерние огни“. С приятным нетерпением ожидаем этой драгоценной для любителя русской поэзии новинки, в полной уверенности найти в ней обильный и чистый источник художественного наслаждения, которым не преминем поделиться с нашими читателями» (Мысли русского читателя // Гражданин. 1888. 5 января. № 5. С. 3).

⁴ Перечень отзывов об издании см. во вступит. статье.

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

22 января 1888 г. Москва

МОСКВА
Плущиха, соб. дом

22 января 1888.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Начну с благодарности за честь, оказанную мне высылкою ученого труда Вашего о Ювенале.¹ Прекрасный фотографический портрет приятно изумил меня, представив молодого деятеля, которому предстоит еще широкая и плодотворная будущность. Убедившись, как много труда и знания употреблено Вами на эту работу, смиренно признаюсь в полном моем бессилии отнестись к нему критически. Я держусь разделения труда и ожидаю от филологов готового текста и объяснений, которые бы я мог, владея русским стихом, перенести на отечественную почву. Так поступаю я и в данном случае с Ladewig'ом, которого самое имя несомненно забуду через пять минут, после того как списал его с книжной обертки. Так, между прочим, из всех ошибок, замеченных гр<афом> Олсуфьевым в моем Ювенале, я признаю только *ebur*,^a почему-то вдруг переведенный мною черным деревом. Что же касается до сливок, то полемика эта относится к наборщику, сделавшему их из оливок, и других объяснений, которых я не выдумывал, а прямо переводил с немцев, которые это знают гораздо лучше меня. Но возвращаюсь к нашему специальному Энею.

Время до конца февраля остается немного, а надо получить книгу из цензуры² и объявить о ее продаже. Ввиду всего этого повторяю мою слезную просьбу. Так как у Вас в руках мой переводный текст до конца, а равно и примечания, то не найдете ли возможным дополнить последнее, насколько Вы сочтете нужным, а проверка исправлений по гранкам задержать Вас, полагаю, не может. Если бы типография не затруднялась шрифтом, то, конечно, я вместе с одиннадцатою книгою выслал бы одновременно и двенадцатую. Прибавьте, что необходимо мне лично выслать к Вам двадцать экземпляров второй части, что в отсутствие мое сопряжено будет с затруднениями.

Я все-таки надеюсь, что, невзирая на некоторую спешность, работа наша не окажется слишком плохую. При исправлениях текста нередко

^a слоновую кость (лат.).

вспоминается: «рад бы в рай, да грехи не пускают». Вы имеете в виду латынь, а мне приходится бороться и с русским. Так, напр<имер>, я бы охотно перевел *diversa parte* — *в другой стороне*, если бы рядом не стояло *penitus*, которого не умею иначе перевести, как *в отдалении*, и вышло бы: в другой стороне^б в отдалении, что выходит неловко.^в В полной надежде на великодушие Ваше, которое поможет Вам довести дело до желанного конца, прошу принять уверения в неизменной признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Про университет Вы, конечно, знаете из газет. Открывается 26 января.³

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 41–42 об.

¹ См. примеч. 2 к письму 28.

² Вторая часть «Энеиды» была дозволена цензурой 15 февраля 1888 г.

³ См. примеч. 4 к письму 25. Объявление об открытии университета было помещено, напр., в «Московских ведомостях»: *МВед.* 1888. 18 января. С. 1.

31

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

28 января 1888 г. Казань

28 янв<аря> 88.
Казань.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Премного благодарен Вам за любезно доставленный сборник Ваших прекрасных стихотворений,¹ чтение которых доставило мне и моему семейству неподдельное наслаждение. Душевно желаю и надеюсь, что это не последний дар русской музе, дар истинного вдохновения и теплого любящего сердца. *Quod Deus bene vertat!*^а

---

^б Подчеркнуто простым карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.

^в Далее рукой А. А. Фета.

^а И да обратит это Бог во благо! — т. е. пусть примет это благополучный оборот (*лат.*).

XI кн<ига> к Вашим услугам. Я поработал над ней, не ожидая гранок и все рассмотрел и обработал опять же <нрзб.> добросовестно, как предыдущие книги. Я нарочно воспользовался хоть рождественскими <?>⁶ — днями <нрзб.> свободн<ого> времени, чтобы не задерживать печатания.

Унив<ерситетские> занятия, кажется, начнутся на днях, след<овательно> начнется и прорва работы. Но дал бы Бог, чтобы хотя летом нас не морили и дозволили все окончить в обычный срок.

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

Здесь слух, что в Моск<овском> университете беспорядки. Так ли это?²

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 23–23 об.

¹ Речь идет о третьем выпуске «Вечерних огней», вышедшем из печати в январе 1888 г. Во втором томе своей «Истории римской литературы» Нагуевский пишет: «Гораций не оставил себе достойного преемника; ему не довелось, говоря словами А. А. Фета (Вечерние огни, вып. 3) передать на склоне лет свой „трепетный факел“ римской лирики „молодому вестнику света“ на поприще родного искусства» (Т. 2. С. 767).

² См. примеч. 4 к письму 25.

32

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

31 января 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

31 января 1888.

Многоуважаемый Дарий Ильич!

Не знаю, как благодарить Вас за скорую присылку одиннадцатой книги, третьего дня мною полученной. Остается, ввиду скупоты отмеренного времени, убедительно просить Вас о довершении благодеяния возможно скорую высылкой заметок в тексте и^a примечаний к двенадцатой

---

⁶ Здесь и далее текст сильно поврежден.

^a Далее зачеркнуто: прибав

книге, гранки которой сегодня Вам высланы. При получении второго тома Вы, без сомнения, убедитесь, что я не пропустил мимо ушей ни одного из Ваших драгоценных указаний, насколько хватило сил ими воспользоваться.

Лекции в университете начались 26-го января при полном спокойствии, свидетельствующем о том, что самые беспорядки вызваны были во всех высших учебных заведениях одновременно внешнею агитацией.⁶ В полной надежде на окончательную благосклонную помощь Вашу прошу верить глубокому уважению и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 43–43 об.

¹ Общественное внимание в это время было занято студенческими беспорядками, которые активно обсуждались печатью. Мнение о политической агитации как о причине беспорядков было высказано в «Московских ведомостях». «Новости» не согласились с «Московскими ведомостями», так как не было посягательства на политический или государственный строй. «Новое время» увидело причину конфликта в формализме учебного процесса. «Русское дело» высказало мнение, что «политическая агитация не была выдающейся причиной беспорядков; но эта агитация была, несомненно, одним из факторов возникших недоразумений между студентами и начальством», поскольку общественное замешательство было «на руку агитаторам» (Русское дело. 1888. 16 января. № 3. С. 11. Здесь же см. сводку мнений, высказанных в печати по этому вопросу. С. 10–11).

33

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

6 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Февраля 6, 1888.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Любезною присылкою окончательных заметок и примечаний Вы бесконечно обрадовали меня, давая возможность снять с себя эту тяжелую обузу.¹ Но в то же время без всякого намерения Вы отягчили мою

---

⁶ *Далее рукой А. А. Фета.*

совесть великим гнетом, предлагая написать разбор Вашего труда. Конечно, ввиду понесенных Вами трудов над моей «Энеидой», я чувствовал себя нравственно обязанным во что бы то ни стало исполнить Ваше желание. Но, — теперь прошу Вас беспристрастно рассмотреть это *no*. Ввиду давно высказанного Вами желания я неоднократно обращался к гр<афу> Олсуфьеву, доказывая ему, что ему всего, по роду его занятий, свойственнее и написать и напечатать требуемую статью,² так как я представляю всем существом моим как бы антипод всякой формальной науки, — но на это каждый раз я выслушивал упорный отказ графа, на том основании, что Вы с похвалою отзывались о его труде,³ а он, делая то же самое по отношению к Вам, только выставит в ложном свете пристрастия свое сочувствие к Вашим почтенным трудам. Не берусь судить, в какой мере это справедливо по отношению к графу, но при взгляде на обертку «Энеиды», на которой наши⁴ с вами имена неразрывны, нельзя не признать моей о Вас статьи за самовосхваление собственного лагеря, что, конечно, принесло бы вред нам обоим. Когда на днях я увидел безобразную статью Модестова в «Новостях»,⁴ то в ту же минуту написал заявление в «Моск<овские> ведомости», что написанное рукою г. Нагуевского на обертке *Виргилий* преднамеренно переправлено мною в Вергилий, так как я не филолог, а переводчик с *Ladewig's*, у которого стоит: *Vergil's Gedichte*.⁵

Но вот четвертый день напрасно жду появления статейки вопреки оглавлению: необходимое объяснение. Я по опыту знаю, что «Моск<овские> ведом<ости>» принципиально избегают всякой литературной полемики, и хотя в редакции отвечали то, что я сообщил Вам телеграммой,⁶ но сильно опасаясь.

Виноват! Я просмотрел во вчерашнем номере «Моск<овских> ведомостей» от 5 февраля мою оправдательную статейку, которой сердечно обрадовался.⁷ Это дает мне надежду, что, быть может, и Ваша статья пойдет.

Из предисловия моего к последнему выпуску «Вечерн<их> огней» Вы можете усмотреть, что я совершенно не вхож в редакции всей нашей современной литературы,⁸ за исключением «Моск<овских> ведомостей» и «Русского вестника»,⁶ в которых тем не менее влияние мое — более чем сомнительно. Таково фактическое положение дела. Но положение положением, а нравственный груз долга сам собою.

---

² Далее зачеркнуто: имена

⁶ Далее зачеркнуто: на

И вот наконец я так счастлив, что судьба помогла мне вчера свалить и этот камень с моей совести на совесть одного ученого, хорошо мне знакомого учителя гимназии г. Хитрова, который взялся не только написать статью о Вашем труде над Ювеналом, но и провести свою статью в «Моск<овские> ведом<ости>», так как у него туда вход гораздо благонадежнее, чем у меня.⁹ Вчера это дело было между нами улажено, а сегодня в час дня Ваша книга была уже отправлена к нему с нарочным.

Смею Вас уверить, что такой благоприятный исход обрадовал меня, быть может, гораздо более чем Вас. С живейшею благодарностью прошу Вас принять уплату небольшого долга, которую Вам угодно было обождать за мною до настоящего времени, а около 15-го надеюсь выслать Вам 20 экземпляров второй книги «Энеиды».⁸

Примите еще раз уверения в глубоком уважении и сердечной признательности Вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Сию минуту получил Ваш ответ Модестову, сжатостью, умеренностью и всем тоном которого я совершенно доволен, и потому думаю, что помещение его в «Моск<овских> ведом<остях>» не встретит затруднения. Как скоро прочту его в печати, то вышлю Вам три экземпляра.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 44–47.

¹ Это письмо Нагуевского неизвестно.

² Фет имеет в виду, что гр. Олсуфьев занимался исследованием Ювенала.

³ В книге о Ювенале Нагуевский называет гр. Олсуфьева «талантливым рецензентом перевода г. Фета» (*Нагуевский Д. И. О жизнеописании Ювенала. Казань, 1887. С. 12.*)

⁴ *Модестов В. Г. Фет и г. Нагуевский // Новости и Биржевая газета. 1888. 25 января. № 25. С. 2. См. о ней во вступит. статье.*

⁵ См. вступит. статью и письмо Фета от 8 октября 1887 г.

⁶ Эта телеграмма неизвестна.

⁷ *Фет А. Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости». № 25) // МВед. 1888. 5 февраля. № 36. С. 6. Подробнее см. вступит. ст.*

⁸ См.: *ВОЗ*. Здесь, в Предисловии, Фет пишет: «С легкой руки правительственных реформ <...> всё закипело духом оппозиции (чему?) и запоздалою гражданскою скорбию. <...> Понятно, до какой степени им казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбным отсут-

---

⁹ *Далее до слов «Сию минуту» рукой А. А. Фета.*

вием гражданской скорби. <...> Понятно, что при таком исключительном положении стихотворения наши не могли быть помещаемы на страницах журналов, в которых они возбуждали одно негодование. Единственное исключение представлял „Русский вестник“, не ставивший тенденциозности непререкаемым условием» (С. III–V).

⁹ *Хитров Михаил Иванович* (1851–1899) — духовный писатель, публицист, историк церкви, с 1895 г. священник, с 1898 г. — протоиерей. С Хитровым Фета познакомил, вероятно, Вл. С. Соловьев. В молодости Хитров был домашним учителем Михаила Сергеевича Соловьева, брата Вл. С. Соловьева, и до конца сохранил дружеские отношения с домом Соловьевых (см.: *Соловьев Вл.* Письма: В 4 т. / Под ред. Э. Л. Радлова. Пг., 1923. Т. 4. С. 86).

Статья М. И. Хитрова, посвященная книге Нагуевского, в «Московских ведомостях» опубликована не была (см. письмо 38).

34

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

12 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

Февраля 12, 1888.

Многоуважаемый Дарий Ильич,

признаюсь чистосердечно в крайнем затруднении, с чего начать ответ на последнее письмо Ваше от 4 февраля.¹ Если бы Вы не подарили мне Вашего портрета, то по одному этому письму я убедился бы, что имею дело с молодым человеком, не привыкшим еще к печальным условиям нашей журналистики. Не умею Вам представить более близкий и яркий пример в последнем смысле, чем я сам. С 60-го по 85-й год, невзирая на то, что я в течение этого времени почти безмолвствовал, в журналах не переставали глумиться надо мною на всевозможные лады и каждый осел считал гражданским долгом лягнуть меня демократическим копьем.² Конечно, я не отвечал ни звуком. Но Вы указываете на службу как на свое обеспечение; не думаю, чтобы журнальные нападки могли повредить Вашей службе. Об этом я сужу потому, что постоянные нападки всей литературы на профессора Юркевича не помешали ему с честью окончить свое поприще.³

Вам, быть может, неизвестно, что личность г. Модестова во всех отношениях мне чужда. В прошедшем письме я уже говорил о совершенном своем бессилии в журнальных редакциях. Примеры налицо.

В январском «Русск<ом> вестн<ике>», который, *honoris causa*,^а я получал в течение 20-и лет, помещено восемь моих стихотворений,⁴ и на запрос мой, почему я не могу получить его и за деньги, Берг⁵ ответил пять дней тому назад, что я получу его одновременно с его ответом. Но вот и по сей день я его не вижу. Второй пример. При получении Вашей телеграммы,⁶ я передал Вам ответ о согласии помощника редактора «Моск<овских> ведом<остей>» напечатать краткий ответ Ваш Модестову. Прекрасный ответ Ваш препровожден в редакцию вместе с моею просьбою о напечатании и указанием на предварительное обещание редакции. Но вот четвертый день я напрасно смотрю в газеты, ожидая возможности выслать Вам желаемых три экземпляра, — а статьи нет как нет.⁷ Когда мне принесли заглавные листы, на которых Ваш титул и имя были выставлены несколько уменьшенным шрифтом, я тотчас же вернул корректуру с требованием напечатать Ваше имя одним шрифтом с моим, избегая с Вашей стороны и тени неудовольствия.⁸ Чем возбуждено было озлобление г. Модестова, он сам высказывает; что же касается до «Рус<ского> вестн<ика>», то, не издавши его, я об статье судить не могу и судить о причинах, возбуждающих против Вас нападки.⁹ В подтверждение моего мнения о безвредности журнальной травли могу Вам сообщить, что высокопоставленным лицом было указываемо в высшей сфере именно на Вас как на профессора, продолжающего помимо официальных лекций трудиться и обнародовать свои труды, представляя таким образом исключение среди других официальных преподавателей.

Перехожу к самой сущности Вашего желания и объясняю его только незнакомством с условиями, в которых я нахожусь. Если Вы меня просите о помещении статей в журналы, то, вероятно, по неуверенности в личном к ним доступе, а что я лишен этого доступа, в настоящее время у Вас перед глазами по отношению к «Моск<овским> вед<омостям>». Что же касается до «Русск<ого> вестн<ика>», то я наперед знаю, что ни один журнал не поместит критики рядом с антикритикой. Но допустим невозможное, т. е. готовность всех журналов принять мои статьи. Что же бы я стал писать в Вашу защиту? Опровергать шаг за шагом ученые нападки я как человек, стоящий вне науки, не в состоянии. Уверять же со стороны, что предисловие г. Нагуевского не заключает в себе никаких инсинуаций (как Вы говорите), являлось бы чем-то беспримерным, способным возбудить только злорадную веселость.

---

^а ради почета (*лат.*).

Если уже возражать на эти вещи, то всего приличнее и сподручнее сделать это Вам самим и напечатать хотя бы в каком-либо местном журнале или в предисловии к одному из Ваших произведений. На днях в «Revue des deux mondes» я прочел справедливую мысль, что всякое доброе дело влечет за собою заслуженное наказание.¹⁰ Мы оба с Вами увлеклись благою мыслию представить в наилучшем виде «Энеиду» на русском языке и за это оба наказаны. Знай мы наперед последствия наших усилий, то Вы бы ни за что не протянули мне руку помощи, а я с своей стороны предпочел бы оставить текст с теми промахами, от которых Вы его избавили, сопроводив его заведомо переводными объяснениями. Но ничего нет бесплоднее исправлений совершившегося.

В надежде, что я достаточно объяснил Вам мое бессилие в желаемом Вами деле, прошу принять⁶ уверение в неизменном уважении и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Р. С. Прилагаю обратно три марки и мою заметку по поводу статьи г. Модестова.¹¹

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 48–50 об.

Впервые опубликовано (без постскриптума, с ошибками и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 14 октября, приложение. № 2, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

¹ Это письмо Нагуевского неизвестно.

² См. письмо 33 и примеч. 8 к нему.

³ *Юркевич Памфил Данилович* (1827–1874) — видный религиозный философ-мистик, педагог. Его полемика с Н. Г. Чернышевским приобрела общественное звучание; оказал существенное влияние на формирование религиозно-философских воззрений Вл. С. Соловьева.

⁴ В «Русском вестнике» были помещены: «Одним толчком согнать ладью живую...», «Все, как бывало, веселый, счастливый...», «Нет, я не изменил. До старости глубокой...», «Ее Величеству Королеве эллинов» («Всю жизнь душа моя алкала...»), «А. Л. Б.<ржеск>ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным...»), «Памяти Н. Я. Данилевского» («Если жить суждено и на свет не родиться нельзя...»), «Сегодня день твой просветленья...» и «Как богат я в безумных стихах!..» под общим заголовком «Стихотворения А. А. Фета» (см.: *РВ.* 1888. Т. 194. Январь. С. 106–110).

⁵ *Берг Федор Николаевич* (1839–1909) — журналист, прозаик, поэт и переводчик. В конце 1887 г., после смерти М. Н. Каткова, арендовал у его наследников «Русский вестник» и перевел издание в Петербург (1888–1896).

⁶ *Далее до постскриптума рукой А. А. Фета.*

⁶ Эта телеграмма неизвестна.

⁷ Статья Нагуевского «Письмо к издателю (Ответ г. Модестову)» была опубликована на следующий день (см. *МВед.* 1888. 13 февраля. № 44. С. 5; с датой — 11 февраля 1888 г. Казань). Содержание статьи подробно излагается во вступит. статье к наст. публикации.

⁸ На титуле издания в напечатании имен Фета и Нагуевского действительно использован один и тот же кегль.

⁹ Анонимная рецензия на первый том «Энеиды» открывает отдел «Новости литературы» в том же номере «Русского вестника», где были опубликованы восемь стихотворений Фета (см. примеч. 4 к наст. письму). В ней низкий уровень работы Нагуевского противопоставлен высокому качеству перевода (см.: *РВ.* 1888. Т. 194. Январь. С. 289–293). Автором статьи, скорее всего, был Ю. А. Кулаковский (см. вступит. статью).

¹⁰ Речь идет о парижском журнале «Revue des deux mondes». О какой публикации идет речь, установить не удалось.

¹¹ См. примеч. 4 к письму 33.

35

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

29 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Февраля 29, 1888.

Многоуважаемый Дарий Ильич,

препровожаю при сем пять веленевых и пятнадцать простых экземпляров второй части «Энеиды»,¹ с которою провозился до самого отъезда в деревню.

На днях видел Хитрова, который пишет статью о Вашей работе,² и сообщил ему, что Вы лично желаете к нему обратиться письменно, по следующему адресу: Москва, Большая Якиманка, Мало-Петропавловский пер<еулок>, собств<енный> дом, Михаилу Ивановичу Хитрову. Не знаю, какое произведет впечатление вторая половина нашей работы, но на весь свет угодить невозможно.^а Пожелав Вам всего лучшего, позвольте еще раз принести мою искреннюю признательность за оказанную мне помощь.

---

^а Далее рукой А. А. Фета.

С неизменным почтением Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 51–51 об.

¹ Вторая часть «Энеиды» вышла 27 февраля 1888 г. (см. письмо Фета к С. А. Толстой от 28 февраля 1888 г. — Юшкин Ю. С живейшими симпатиями в груди: К 190-летию со дня рождения А. К. Толстого (Письма Афанасия Фета к С. А. Толстой) // Литературная учеба. 2007. № 5. С. 188).

² См. письмо 33 и примеч. 9 к нему. Статья не была опубликована (см. письмо 38).

36

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

8 января 1889 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

8 янв<аря> 1889 г.

при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета
№ 52

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

С искренним удовольствием вспоминая наши совместные труды по переводу Виргилия, позволяю себе преподнести при сем два новых своих издания, в которых неоднократно встретите свое почтенное имя и имена многих русских знакомых Вам филологов и переводчиков.¹ Весьма рад буду, если этим трудам более <?>^a посчастливится, чем <нрзб.> Ювеналу,² и им удастся при Вашем, быть может, содействии узреть хотя бы краткую заметку в «Моск<овских> вед<омостях>» или в другом период<ическом> издании.

В «Моск<овские> вед<едомости>» экземпляры этих изданий мною уже препровождены.

---

^a Здесь и далее текст сильно поврежден.

С глубоким почтением примите уверения в искренней преданности покорного слуги

Д. Нагуевского.

На конверте:

В Москву.
Его высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: Казань, 9 января 89; Москва, 13 янв.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 25–26.

¹ Речь идет об изданиях: 1) Основы библиографии по истории римской литературы: Пособие для студентов-филологов Казань, 1889; 2) Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год. С введением и указателями издал Д. И. Нагуевский, ординар. проф. имп. Казанского университета. Казань, 1889. Во Введении ко второй книге Нагуевский пишет: «В трудах современных нам издателей и переводчиков произведений из древнеклассической старины указания, относящиеся к работам их предшественников, встречаются сравнительно редко и не всегда отличаются желанной полнотой <...> лучший и плодотворнейший из современных переводчиков латинских поэтов, ἡδυστέρης (сладкоречивый, сладкозвучный. — греч.) в своих предисловиях и введениях — А. А. Фет — ни разу не почтил упоминанием „*exemplaria mirae vel potius venerandae vetustatis*“ (примеры дивные или, вернее, почитаемые по своей древности. — лат.) своих предшественников» (С. V). Рецензия на эти издания Нагуевского была опубликована позже В. А. Алексеевым, который нашел в них многочисленные лакуны (см.: Филологические записки. 1890. Воронеж, 1890. Вып. 3. С. 1–7; отдел «Критика и библиография»).

² О так и неопубликованной рецензии М. И. Хитрова см. письмо 38.

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

22 января 1889 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета
№ 355

22 январь 1889 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.^a

В знаменательный день Вашего полувекового служения русской музе и науке¹ позвольте мне как всегдашнему почитателю Ваших поэтических произведений и скромному представителю той области знаний, для популяризации которой среди русского общества Вами оказано столько незабвенных услуг, — принести горячие, искреннейшие поздравления и душевно пожелать, да дарует Вам Всевышний силы для дальнейших трудов, да не угасает в Вас еще долго тот живительный светильник, который, подобно лучезарной звезде престарелого Анхиза,² много, много лет — я уверен в этом — будет указывать столь желанный для современников и потомства путь к труду, к идеальным стремлениям, ко всему доброму и нравственно прекрасному. Будьте уверены, что в радостный день Вашего юбилея Ваш скромный Ахат³ в изъяснении деяний благочестивого Энея, не сподобившийся, к сожалению, даже личного знакомства с Вами, мысленно, душой и сердцем будет присутствовать на готовящемся в Первопрестольной редком празднике русской музыки, науки и трудолюбия.

Глубоко уважающий Вас и преданный

Дарий Нагуевский.

На конверте: Его высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В Москву.
Плющиха, собственный дом.

^a Письмо написано рукой переписчика.

Почтовые штемпели: Казань, 23 января 89; Москва, 27 января 89.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 27–27 об.

¹ Юбилейные торжества в честь пятидесятилетней литературной деятельности Фета состоялись в Москве 28–29 января 1889 г. Хронику этого праздника см.: *МВед.* 1889. 28 января. № 28. С. 3–4; 29 января. № 29. С. 4–5; 30 января. № 30. С. 2–3; 31 января. № 31. С. 5; 1 февраля. № 32. С. 6.

² *Анхиз* — отец Энея, сопровождал сына в его странствованиях.

³ Оруженосец Энея.

38

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

1 февраля 1889 г. Москва

МОСКВА

Плущиха, соб. дом

1 февраля 1889.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Позвольте принести Вам и на этот раз мою искреннюю и глубокую признательность за любезное поздравление с моим юбилеем. Не бывши никогда, слава Богу, человеком партий, я навсегда останусь Вам чистосердечно признательным за любезное сотрудничество Ваше при издании мною «Энеиды» и скажу прямо, что единственно Вам я обязан той сравнительной безупречностью издания, с какою появился этот мой перевод. Это я всегда скажу не во гнев разным хулителям, вносящим в дело какие-то личные оттенки.¹ В доказательство существования в нашей литературе подобных, совершенно непонятных мне оттенков упомяну только о множестве рукописных моих статей, не нашедших себе помещения.² Говорю это в видах своего оправдания в деле участия к вашим почтенным трудам. Две статьи, написанные Михаилом Ивановичем Хитровым о Ваших трудах, несмотря на многократные обещания «Московских ведомостей», остались по сей день ненапечатанными.³ Усердно благодарю Вас за присылку ученого труда Вашего, которого присылку принимаю как *honoris causa*,^a так как в сущности при моей беспамятности я совершенный антипод всякого серьезного филологического труда и, осмеливаясь публично заговорить о нем, я бы только

---

^a ради почета (*лат.*).

наделал сраму и себе, и достойному труженику. В этом отношении я скорее всего напоминаю слепца на церковной паперти, кланяющегося при звуке каждой монеты, падающей в его деревянную чашку, но не могущего с своей стороны никому помочь. Как переводчик и юбиляр еще раз прошу принять самые искренние выражения признательности⁶ глупоуважающего Вас

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 52–53.

¹ Подробнее об этом см. во вступит. статье.

² Речь идет о статьях Фета, не опубликованных при его жизни: по поводу «Войны и мира» Толстого, «Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман Н. Г. Чернышевского», «Что случилось по см^{ерти} Анны Кар^{ениной}» в „Русск^{ом} вестнике>“ и др. (См. *Фет. ССUII*. Т. 3. С. 421–422).

³ Возможно, вторым «трудом», которому была посвящена неопубликованная статья М. И. Хитрова, была кн.: *Нагуевский Д. И.* О рукописях, схолиях и изданиях Ювенала. СПб., 1888. С просьбой написать рецензию на последний труд Нагуевский чуть ранее обращался к Л. Н. Майкову (см. письмо от 2 января 1887 г. — *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 729. Л. 1). Подробнее о М. И. Хитрово см. примеч. 9 к письму 33.

39

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

6 марта 1890 г. Казань

ДАРИЙ ИЛЬИЧ
НАГУЕВСКИЙ,
ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОР
ИМПЕРАТОРСКОГО
КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

6 марта 1890 г. Казань.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Полагаясь на Ваше благосклонное ко мне отношение, позволяю себе обратиться к Вам с следующей покорнейшей просьбой.

Вместе с этим письмом препровождаю и письмо к графу А. В. Олсуфьеву с просьбой оказать мне свое ходатайство в сферах Мин^{истерства}

⁶ *Далее рукой А. А. Фета.*

нар<одного> просв<ещения> о предоставлении мне места председателя экзаменационной истор<ико->филол<огической> комиссии в Казани или в одном из провинциальных университетов или вообще командировки для присутствия на полукурсовых испытаниях студентов университета. Поводом к тому ходатайству является мое стесненное в материальном отношении положение, обусловленное многолетней болезнью жены, болезнью, требующей в этом году особенно чувствительных расходов, покрыть которые из своего скромного содержания и при неимении никаких других средств я не в силах, остаток же от командировочных денег существенно облегчил бы мое положение. Не знаю, как отнесется гр. А. В. Олсуфьев к моей просьбе; но, зная Вашу отзывчивость к людскому горю и нуждам, я позволяю себе надеяться, что Вы не откажете замолвить перед графом лично или письмом в пользу моего ходатайства теплое слово участия. Быть может, Вы нашли бы возможность оказать возможное содействие моему ходатайству и у гр. И. Д. Делянова.¹ Во всяком случае моя благодарность и признательность Вам за посильное содействие указанной цели у того либо другого из высокопоставленных лиц будет самая искренняя и душевная.

Более распространяться о своем горе не стану <3 нрзб.> утруждать соображениями по поводу моей просьбы, на которую, быть может, не имею права. Мне и так тяжело писать эти строки, и я долго колебался... Поэтому простите.

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

Гр. А. В. Олсуфьеву я адресовал письмо в Москву, не зная, где он пребывает.² В случае отъезда, вероятно, адрес им оставлен.

На конверте:

В Москву.
Его превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: Казань, 6 марта 90; Москва, 11 марта 90.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 29–30.

¹ Граф Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — с 16 марта 1882 г. министр народного просвещения. Деньги, отпускаемые по государственной смете на нужды народного образования, были сокращены им до минимума.

² Письмо Нагуевского к Олсуфьеву неизвестно.

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

Середина марта 1890 г. Москва

Многоуважаемый Дарий Ильич.

Первым словом при свидании моем с графом Олсуфьевым, являющимся ко мне, недужному, для совместной работы над Марциалом,¹ — было обсуждение Вашего дела, к которому граф отнесся самым сочувственным образом. Излишне говорить о моем уважении к Вашим достойным трудам и полной готовности служить Вам, принимавшему такое живое участие в моем издании «Энеиды». Считаю, что чистосердечная откровенность во всяком случае полезнее ищущему, чем формальные надежды, возбуждаемые лукавыми обещаниями. Вы без труда поверите, что если бы я, подобно графу Ал<ексею> Вас<ильевичу>, бывал в Петербурге и явился бы к министру, то не преминул бы замолвить самое горячее слово в пользу Вашего желания. При личном свидании такая просьба может быть объяснима на *lapsus lingue*^a (если можно так выразиться), тогда как человеку, не состоящему ни в какой переписке с министром,² обращаться к нему, хотя бы с просьбами в личную пользу, — вещь не только необычная, но и совершенно бесполезная. Что же касается до дальнейшей судьбы Вашей просьбы, то гр. Ал<ексей> В<асильевич> обещал сам Вам об этом написать и мне остается только <пожелать> полнейшего успеха <и> пожалеть, что мои 70-илетние недуги делают меня в этом, как и во всем остальном, бессильным.

С неизменным уважением

сердечно признательный

<А. Шеншин>.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 5. Л. 1–2. Черновой автограф карандашом рукой Е. В. Федоровой (Кудрявцевой).

Датируется условно по письму Нагуевского от 6 марта 1890 г. (№ 39).

¹ Работа над Марциалом началась, вероятно, осенью 1888 г. 28 ноября Фет писал Ф. Е. Коршу о том, что «вчера» его навещил «граф Олсуфьев, с которым мы иногда проверяем мои переводы Марциала» (*Космолинская Г. А. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 221*). Олсуфьев, помимо предисловия к изданию Марциала, помогал Фету и в редактировании переводов эпиграмм, о чем Фет упомянул в своем

^a погрешность языка (*лат.*).

предисловии к изданию: «...было бы недобросовестно умолчать о критической проверке графом нашего перевода из стиха в стих. Без этой твердой руки на руле легкая лодка переводчика могла бы появиться с многочисленными пробоинами, выйдя из опасных шхер Марциала» (Марка Валерия Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. С. VIII). В очерке «Жизнь Марциала» Фет использовал фрагменты из тогда еще не опубликованной книги Олсуфьева «Марциал. Биографический очерк» (М., 1891). В своих воспоминаниях, диктовавшихся секретарю в это время, Фет писал: с Олсуфьевым «мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливого капризника, как Марциал» (МВ. Ч. 2. С. 393).

² Имеется в виду министр народного просвещения И. Д. Делянов.